

Н.О. ЛОССКИЙ

ХАРАКТЕР РУССКОГО НАРОДА

КНИГА ВТОРАЯ

Н. О. ЛОССКИЙ

ХАРАКТЕР РУССКОГО НАРОДА

КНИГА ВТОРАЯ

ПОСЕВ

1957

ББК 88.5
Л 79

Художник А.В.Русак

Alle Rechte sind vorbehalten

Copyright by Possev-Verlag

Printed in Germany

Druck: Possev-Verlag, V. Gorachek K.G., Frankfurt/Main

Л 0301030000-02 без объявл.
Ключ - 90

ISBN 5-7082-0002-4

ББК 88.5

© Издательство "Ключ", Москва, 1990 г.

Доброта русского народа

1. Доброта.

К числу первичных основных свойств русского народа принадлежит выдающаяся доброта его. Она поддерживается и углубляется исканием абсолютного добра и связанною с нею религиозностью народа. Достоевский, внимательно наблюдавший русский народ и много думавший о нем, подчеркивает доброту его. В «Дневнике Писателя» он дает конкретный образ доброты, рассказывая о том, как в девятилетнем возрасте он пошел в лес за грибами и, забравшись в чащу кустарника, вдруг услышал крик «Волк бежит!». «Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика. Это был наш мужик Марей, — мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темнорусой окладистой бороде. Я знал его, но до того никогда почти не случалось мне заговорить с ним. Он даже остановил кобыленку, заслышав крик мой, и когда я, разбежавшись, уцепился одной рукой за соху, а другой за его рукав, то он разглядел мой испуг.

— Волк бежит! — прокричал я, задыхаясь.

Он вскинул голову и невольно огляделся кругом, на мгновение почти мне поверив.

— Где волк?

— Закричал... Кто-то закричал сейчас: «Волк бежит»... — пролепетал я.

— Что ты, что ты, какой волк, померещилось; вишь! Какому тут волку быть! — бормотал он, ободряя меня. Но я весь трясся и еще крепче уцепился за его зипун и, должно быть, был очень бледен. Он смотрел на меня с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

— Ишь ведь испужался, ай-ай! — качал он головой. — Полно, родный. Ишь малец, ай!

Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке.

— Ну, полно же, ну, Христос с тобой, окстись.

Но я не крестился; углы губ моих вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ.

— Ишь ведь, ай, — улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкой. — Господи, да что это, ишь ведь, ай, ай!

Я понял, наконец, что волка нет и что мне крик: «волк бежит» померещился.

— Ну, я пойду, — сказал я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я-те вослед посмотрю. Уж я тебя волку не дам! — прибавил он, все так же матерински мне улыбаясь. — Ну, Христос с тобой; ну, ступай, — и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился. Я пошел, оглядываясь назад почти каждые десять шагов. Марей, пока я шел, все стоял с своей кобыленкой и смотрел мне вслед, каждый раз кивая мне головой, когда я оглядывался.*)

В этой картинке прекрасно изображена душевная мягкость русского человека, одинаково часто встречающаяся и у простолюдина, и во всех слоях общества. Говорят иногда, что у русского народа — женственная природа. Это неверно: русский народ, особенно великорусская ветвь его, народ, создавший в суровых исторических условиях великое государство, в высшей степени мужествен: но в нем особенно примечательно сочетание мужественной природы с женственною мягкостью. Кто жил в деревне и вступал в общение с крестьянами, у того, наверное, всплывут в уме живые воспоминания об этом прекрасном сочетании мужества и мягкости.

Шедрин во время его ссылки в Вятку, служа при губернаторе, много ездил по делам службы и вступал в общение с народом. В «Губернских очерках», говоря о богомольцах, пришедших в монастырь, он пишет: «Я вообще чрезвычайно люблю наш прекрасный народ, и с уважением смотрю на свежие и благодушные типы, которыми кишит народная толпа». «И вся эта толпа пришла сюда с чистым сердцем, храня во всей ее непорочности душевную лепту, которую она обещала повернуть к пречестному и достохвальному образу Божьего угодника». Во время Севастопольской кампании происходил чрезвычайный набор рекрутов. В избу для проезжающих чиновников вошел рекрут, о котором Щедрин пишет: «физиономия его была чрезвычайно симпа-

*) Дневник Писателя, 1876, февр. I, 3.

тична»; «то было одно из тех мягких, полустыдливых, полужастенчивых выражений, которые составляют почти общую принадлежность нашего народного типа; в голубых его глазах не видно было огня строптивости или затаенного чувства ропота; напротив того, вся его любящая кроткая душа светила в этом задумчивом и рассеянном блуждавшем взоре, как бы свидетельствуя о его вечной и беспрекословной готовности идти всюду, куда укажет судьба».*)

Доброта русского народа во всех слоях его высказывается, между прочим, в отсутствии злопамятности. «Русские люди», говорит Достоевский, «долго и серьезно ненавидеть не умеют».**) Нередко русский человек, будучи страстным и склонным к максимализму, испытывает сильное чувство отталкивания от другого человека, однако при встрече с ним, в случае необходимости конкретного общения, сердце у него смягчается и он как-то невольно начинает проявлять к нему свою душевную мягкость, даже иногда осуждая себя за это, если считает, что данное лицо не заслуживает доброго отношения к нему. Достоевский высоко ценит жалостливость русского народа, выражающуюся в том, что простой народ относится к преступникам, как к «несчастливым» и стремится облегчить участь их, хотя и считает их заслуживающими наказания. Златовратский хорошо объяснил это поведение народа. Без всяких философских теорий народ сердцем чувствует, что преступление есть следствие существовавшей уже раньше порчи в душе человека, и преступный акт есть яркое обнаружение вовне этой порчи, само по себе уже представляющее «кару» за внутреннее отступление от добра.

Достоевский любит указывать на то, как русские солдаты проявляли доброту на войне в отношении к неприятелю. Во время Севастопольской кампании, пишет он, раненых французов «уносили на перевязку прежде, чем своих русских» говоря: «русского-то всякий подымет, а француз-то чужой, его наперед пожалеть надо». «Разве тут не Христос, и разве не Христов дух в этих простодушных и великодушных, шутливо сказанных словах». И во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. солдат кормит измученного в бою и захваченного в плен турка: «человек тоже хоть и не христианин». Корреспондент английской газеты, видя подобные случаи, выразился: «это армия джентльменов». **) Пушкарев в своей статье о большом диапазоне добра и зла

*) Губернские очерки. III. Богомольцы, странники и проезжие; Невинные рассказы. IX. Святочный рассказ (из путевых заметок чиновника).

**) Дневник Писателя, 1876, I, 1.

***) Дневник Писателя, 1877, май-июнь, I, 1; там же, июль-август, III, 4.

в русском народе приводит ценные цитаты о поведении русских на войне из книг англичан, профессора Пэrsa, Мэкензи Уоллеса и Альфреда Нокса. Пэрс пишет о «простой доброте русского крестьянина»; «эти качества подлинного русского народа займут свое место среди лучших факторов будущей Европейской цивилизации». То же пишет и Уоллес: «нет класса людей на свете более добродушного и миролюбивого, чем русское крестьянство». Нокс говорит: «Русское крестьянство существенно миролюбивое и наименее империалистическое в мире».*)

Солдаты Советской армии нередко вели себя отвратительно, — насиловали женщин, грабили всё, что нравилось им. Не только солдаты, даже и офицеры отнимали у всех часы. Интересно однако наблюдение профессора психологии Братиславского университета в Словакии. Он встретил Советскую армию в деревне, где жили его родители, и близко наблюдал поведение русских солдат. «Они ведут себя, как дети», говорил он, «награбят много часов, а потом и раздают их направо и налево».

Доброта — одно из основных свойств русского народа; поэтому даже и бесчеловечный режим советской власти не искоренил ее. Об этом свидетельствуют иностранцы, наблюдавшие жизнь в СССР. Австрийский немец Отто Бергер, бывший в России в плену в 1944—1949 гг., написал книгу «Народ, разучившийся улыбаться». Он говорит, что, живя вблизи Можайска, пленные поняли, «какой особый народ русский. Все рабочие, а особенно женщины относились к нам, как к несчастным, нуждающимся в помощи и покровительстве. Иногда женщины забирали нашу одежду, наше белье и возвращали все это выглаженным, выстиранным, починенным. Самое удивительное было в том, что сами русские жили в чудовищной нужде, которая должна была бы убивать в них желание помогать нам, их вчерашним врагам».**)

Доброта русского человека свободна от сентиментальности, т. е. от наслаждения своим чувством, и от фарисейства: она есть непосредственное приятие чужого бытия в свою душу и защита его, как самого себя. Л. Толстой в «Анне Карениной» превосходно изобразил характер князя Щербатова, непосредственно доброго человека, и его насмешливое отношение к поэтизму М ме Шталь. Дочь его Кити говорит Вареньке, воспитаннице госпожи Шталь: «Я не могу жить иначе, как по серд-

*) B. Pares. „Day by day with the Russian Army“, London 1915, стр. 99. Sir Donald Mackenzie Wallace. „Russia“, 1912, стр. 113. Sir Alfred Knox. „With the Russian Army“, 1914—1917, т. I, стр. 34.

**) Цитирую из журнала «Возрождение», 1946, № 6, стр. 168.

цу, а вы живете по правилам. Я вас полюбила просто, а вы, верно, только затем, чтобы спасти меня, научить меня» (часть II, гл. 34 и 35). «Жизнь по сердцу» создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условностей, без внешней привитой вежливости, но с теми достоинствами вежливости, которые вытекают из чуткой естественной деликатности. «Жизнь по сердцу», а не по правилам выражается в индивидуальном отношении к личности всякого другого человека. Отсюда в русской философии вытекает интерес к конкретной этике в противовес к законнической этике. Примером может служить «Оправдание добра» Вл. Соловьева, книга Вышеславцева «Этика Фихте», Бердяева «Назначение человека», Н. Лосского «Условия абсолютного добра».

У русских и у всех славян высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в славянских языках в обилии уменьшительных, увеличительных, уничижительных имен. Уменьшительные имена, выражающие чувство нежности, особенно распространены и разнообразны. Велико богатство их для личных имен: Иван — Ваня, Ваничка, Ванюша; Мария — Маня, Маша, Маничка, Машенька, Машутка. Многие не личные имена могут приобретать форму, ласкательную, уменьшительную, увеличительную, уничижительную, напр., дом — домик, домище, домина, домишко. Уменьшительно-ласкательные имена могут быть образованы весьма различными способами, напр., головка, головушка, камешек, кораблик, кружок, чемоданчик, волосок, волосочек. Не только от существительных, и от других частей речи существуют ласкательно-уменьшительные формы, напр., прилагательные миленький, рад-раदेशенек, наречия — рядышком, прямехонько.

У положительных качеств бывает нередко и отрицательная сторона. Доброта русского человека побуждает его иногда лгать вследствие нежелания обидеть собеседника, вследствие желания мира, добрых отношений с людьми во что бы то ни стало. Русские крестьяне лгут иногда из любезности, говорит Легра, ссылаясь на наблюдения Г. Нормана.*) Надо заметить еще, что источником лжи русского человека может быть слишком большая живость воображения, о которой будет сказано в главе «Даровитость русского народа». О русском вранье Достоевский написал целую статью, очень насмешливую: «у нас», говорит он, «в огромном большинстве лгут из гостеприимства», «хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну лгут, даже, так сказать, жертвуя собою».**)

*) J. Legras. „L'âme russe“, 163 стр.

**) Дневник писателя, 1873 г. Нечто о вранье.

2. Русская женщина.

Высокие достоинства русской женщины общепризнаны не только русскими, но и иностранцами. Возьмем несколько примеров, с разных сторон обрисовывающих русскую женщину. Замечательною личностью была в XVII веке боярыня Морозова, присоединившаяся к старообрядческому расколу под влиянием протопopa Аввакума. Морозова вовсе не была представительницею только обрядоверия и внешнего благочестия. Она известна своею жизнью во Христе. Презрительно относясь к своему привилегированному положению богатой и знатной боярыни, она ухаживала за больными, исполняла для них самую грязную работу, щедро раздавала милостыню, свой богатый дом она наполнила нищими, странниками. Все попытки отклонить ее от старообрядчества угрозами и наградами не имели успеха. Вместе со своею сестрою княгинею Урусовою она провела много лет до своей смерти в подземной темнице в столь тяжелых условиях, что чтение о них производит глубоко удручающее впечатление. Историк и беллетрист Мордовцев живо изобразил жизнь Морозовой в романе «Великий раскол». В романе этом действительность обрисована правдиво, как это видно из соответствующего рассказа С. М. Соловьева в его «Истории России» (т. XIII, гл. 1). Большую силу духа проявила и жена протопopa Аввакума, переносившая вместе с ним тяжелые бедствия его жизни и в Европейской России, и в Сибири.

В XVIII веке заслуживает внимания княгиня Наталия Борисовна Долгорукая (1714—1771), урожденная графиня Шереметева. Она была обручена с князем Иваном Долгоруким. При Анне Иоанновне князь Долгорукий впал в немилость. Несмотря на уговоры родных и знакомых, Наталия Борисовна осталась верна своему жениху, вышла за него замуж и последовала за ним в ссылку в Сибирь. Из Сибири князь Иван был перевезен в Новгород и там жестоко казнен. Жена его Наталия Борисовна приняла тогда в Киеве монашество. В своих записках она так описала свою судьбу. «Войдите в рассуждение, какое это мне утешение и честна ли эта совесть, — когда он был велик, так я с радостью за него шла, а когда он стал несчастен, отказать ему? Я такому бессовестному совету согласиться не могла; а так положила свое намерение, когда, сердце отдав, жить или умереть вместе, и другому уже нет участия в моей любви. Я не имею такой привычки, чтобы сегодня любить одного, а завтра другого; в нынешний век таксва любовь, а я доказала свету, что я в любви верна. Во всех злополучиях я была своему мужу товарищ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла и не

дала в том безумия Богу»*) (стих из книги Иова). Жен декабристов, которые последовали в Сибирь за своими мужьями, приговоренными к каторжным работам, воспел Некрасов в стихотворении «Русские женщины».

Возвышенный характер любви, свойственный русской женщине, и верность долгу изобразил Пушкин в любимом им образе 'Гатьяны («Татьяны милый идеал»). К стыду русских мужчин нужно заметить, некоторые из них сожалеют о том, что Татьяна отвергла Евгения Онегина, поздно оценившего ее значительность. Они не понимают ее высокого идеала любви. Татьяна ценит индивидуальную личную любовь, т. е. приятие в свою душу всей личности любимого во всем индивидуальном своеобразии ее.***) Она понимает, что запоздалое увлечение ею Евгения Онегина вызвано не такою глубокою любовью, а впечатлением, которое произвело на него блестящее положение ее в обществе, умение держать себя и тому подобные внешние приманки.

А нынче! — что к моим ногам
Вас привело? Какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

Не только Пушкин, и другие великие русские писатели дали незабываемые образы нравственной силы русской женщины. Вспомним у Гончарова Ольгу Ильинскую, хотевшую спасти Обломова, и Веру в «Обрыве», надеявшуюся перевоспитать нигилиста Марка Волохова. Замечательные характеры тургеневских женщин отмечены многими, кто писал о творчестве Тургенева: Лукерья в «Живых мощах», Наталья в романе «Рудин», Лиза в «Дворянском гнезде», Елена в «Накануне». В «Войне и мире» прекрасен образ княжны Марии Болконской. У Достоевского замечательна самоотверженная страдальца Соня Мармеладова, пошедшая за Раскольниковым в Сибирь и помогшая ему в конце концов преодолеть свою гордыню; не менее замечательна жена Версилова Софья Андреевна. О характере этих двух женщин можно найти ценные соображения в книге „Der Mensch und der Glaube“ известного католического богослова Романо Гуардини.***)

*) С. М. Соловьев, История России, т. IV, стр. 1161.

**) См. о такой любви мою книгу «Условия абсолютного добра», тл. 10. „Des conditions de la morale absolue“.

***) См. о них и о Раскольникове, о влиянии на него Сони Мармеладовой, мою книгу «Условия абсолютного добра». „Des conditions de la morale absolue“.

Прибавим к этим примерам образ русской няни, нежно и самоотверженно любящей ребенка, за которым она ухаживает, благотворно влияющей на его религиозную жизнь и развивающей его воображение, рассказывая сказки. Такова была няня Пушкина Арина Родионовна. Кн. Евгений Трубецкой сообщает о такой няне в их семье. Между прочим, он рассказывает, как она следила за их поведением в церкви и, заметив, что они не внимательны к богослужению, сказала, что сам священник укорял их и говорил: «победную песнь поюще, вопиюще, зевающе и глаголюще».*) Шмелев описывает такую няню в повести «Няня из Москвы». Князь Сергей Волконский, вспоминая русскую няню, говорит: «Вы не знаете, люди новых поколений, вы не знаете, что это было. Сколько в простоте обычая, сколько в скромности почтенности, в безграмотности какая воспитанность! Сколько вывела она, русская Няня, из недр народной почвы, сколько вывела наружу родников любви, преданности, мудрости житейской, религиозной стойкости!»**) В поведении таких русских нянюшек обнаруживается высокая одаренность русского народа, связанная с глубокою религиозностью и любовью к человеку, особенно к ребенку, ум и воображение, богатые содержанием, и скромное сознание своего достоинства.

Прекрасный образ доброй и глубоко религиозной русской женщины дает Горький, рассказывая в автобиографии о своей бабушке. «Ее бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни». У нее не было заботы о себе и не было колкого самолюбия, отравляющего жизнь множества людей. Во время поездки на волжском пароходе она рассказывала сказки. Ее слушали «матросы, бородастые ласковые мужики». Дочь ее, мать Горького, сказала ей: «Смеются люди над вами, мамаша!» — «А, Господь с ними!» — беззаботно ответила бабушка. — «А пускай смеются, на доброе им здоровье!»***) Молитвы бабушки Горького были весьма своеобразны: они состояли из простодушного рассказа Богу о всем, что ее мучит в жизни.

Русская женщина, полюбив человека, увлекающего ее высокою целью жизни, смело борется с препятствиями и не боится потерять удобства своей прежней обеспеченной родителями жизни. Она проявляет при этом любовь к свободе и независимость от предрассудков. Начиная с шестидесятых годов русские женщины стали настойчиво стремиться к получению высшего образования наравне с мужчинами. Правительством не допускало их в университеты; тогда многие из них на-

*) Кн. Е. Трубецкой. Воспоминания. София, 1921 г.

**) Кн. С. Волконский. Последний день. Роман-хроника, стр. 478.

***) Горький. Детство. Берлинское издание, стр. 13, 15.

правились в заграничные университеты, в Швейцарию и в Германию. В последней четверти XIX века в университетских городах России были основаны частные Высшие Женские Курсы, а затем и Медицинский Институт, Политехнические и т. п. курсы. Они были полны учащимися женщинами.

Шубарт пишет о русской женщине: «С англичанкою делит она наклонности к свободе и самостоятельности без того, чтобы превратиться в синий чулок. С французенкой ее роднит духовная подвижность без претензий на глубокомыслие; она обладает хорошим вкусом французенки, тем же пониманием красоты и изящества, однако без того, чтобы становиться жертвой тщеславной пристрастности к нарядам. Она обладает добродетелями немецкой домашней хозяйки без того, чтобы вечно коптеть над кухонной посудой; она имеет материнские качества итальянки, не огрубляя их до обезьяньего любвеобилия» (стр. 85). Грахам в книге «Неизвестная Россия» говорит, что русские женщины всегда «стоят пред Богом; благодаря им Россия сильна» (стр. 326 с.).

3. Жестокость.

Доброта есть преобладающая черта характера русского народа. Но в то же время есть в русской жизни также не мало проявлений жестокости. Существует много видов жестокости и некоторые из них могут встречаться, как это ни парадоксально, даже и в поведении людей, во все не злых по своей природе. Жестокость, как средство устрашения преступников, есть один из видов этого явления. Русский крестьянин в прежние времена считал кражу лошади одним из самых страшных преступлений: нищета, губительный голод всей семьи могли быть следствием потери лошади. Поэтому крестьяне, поймав конокрада, иногда не только убивали его, но еще и предварительного жестоко истязали, чтобы другим не повадно было.

В прежние времена, приблизительно до семидесятых годов XIX века печальным явлением было сечение розгами детей, как средство воспитания. Секли дома и в школе, в гимназиях и особенно жестоко в духовных семинариях. Дед Горького однажды засек Горького до потери сознания, так что мальчик несколько дней лежал больной. Повидимому, дед сам понял, что зашел слишком далеко: он «принес гостинца» больному ребенку, говоря как бы в извинение своему поступку: «ты думаешь меня не били» и рассказал, каким побоям он подвергался, когда был бурлаком на Волге.*)

*) Горький. Детство, гл. II.

Многие отрицательные стороны поведения крестьян объясняются чрезвычайною нищетою их, множеством несправедливостей, обид и притеснений, переживаемых ими и ведущих к крайнему озлоблению. Некоторое представление о крестьянской бедности может дать следующее наблюдение публициста Николая Васильевича Шелгунова (1824—1891). «В Смоленской губернии на мельницы крестьяне привозят такой хлеб, что стыдно в руки взять: земли, мякины, всякой шелухи столько, что не увидишь зерна. — «Посмотри, что ты привез; как это молоть?» — говорят мужику, — а он с добродушной иронией отвечает: «Люди не свиньи, — съедят».*) Во время летней страдной поры, при крайней напряженной работе, они старались запастись хорошим хлебом, а зимою, когда работы нет, они ели описанный Шелгуновым суррогат хлеба: иначе могло не хватить муки до нового урожая. Измученный заботами о том, как спасти семью и себя от полного разорения, живущий в крайней тесноте неуютной избы, кишашей тараканами и клопами, крестьянин мог доходить до крайних степеней озлобления и зверства; напр., говорит Достоевский, «наложив непомерно воз, он сечет свою завязшую в грязи клячу кнутом по глазам»*) и сам угнетен, как эта кляча. Аптекман, наблюдавший во время своего служения фельдшером добрые качества крестьян, объясняет так же, как и Достоевский, «жестокости народа». Он говорит, напр., о том, как мать привела в амбулаторию «свою дочь, всю избитую ее обезумевшим от нужды, горя и водки мужем» (стр. 106).

Особенно возмутительно то, что в крестьянском быту мужа иногда жестоко избивали своих жен, чаще всего в пьяном виде. Горький в своей автобиографии описывает случаи таких избиений. Короленко, будучи сослан на поселение в Березовские починки Вятской губернии, жил в избе крестьянина и наблюдал тяжелую жизнь женщин в такой семье, где мужчины были лентяи. Он видел там жестокие избиения жены мужем. Защищаемая им против этого зверства крестьянка рассказывала, что в ее жизни были четыре случая, когда муж, подвергая ее побоям, сбрасывал ее с полатей на пол, несмотря на то, что она была беременна.**) Говорят, что правительство СССР обратило внимание на это печальное явление и борется против него.

В прежние времена вплоть до последней четверти XIX века строй семейной жизни купечества, мещан и крестьян был патриархальный. Деспотизм главы семьи нередко выражался в поступках, близких к жестокости. Живое представление о таком характере семейной жизни

*) Шелгунов. Собр. сочинений, том III, Очерки русской жизни, стр. 1.

**) Дневник Писателя, 1876, январь III, 1.

*) Короленко. История моего современника. Москва 1938, кн. II, гл. I.

дает автобиография Горького. Тяжела также была жизнь Чехова в детстве в мещанской среде. Отец и дед его были деспоты. Особенно мучили они детей чрезмерными требованиями исполнения религиозных обрядов и стояниями в церкви. Чехов возненавидел религиозное воспитание. «Религии у меня теперь нет», говорит он в одном из своих писем; религия представляется ему чем-то вроде ширмочки, снаружи умильно улыбающиеся личики, а за ширмочкою мучат и истязают. Отец его и дед часто секли детей. «Не могу простить отцу», говорит Чехов, «что он сек меня»; «в детстве у меня не было детства».*) Не удивительно, что Чехов, бывший в детстве религиозным мальчиком, утратил религию и заменил ее наивною верою в прогресс.

Одним из характерных явлений русской жизни было купеческое самодурство. Точные сведения о жизни купцов середины XIX века мы имеем благодаря комедиям Островского, который наблюдал жизнь и нравы их в юности, потому что отец его был ходатаем по делам купцов и мещан, а потом и сам писатель служил в Сове́стном и в Московском Коммерческом Суде.**)

В комедии «Свои люди — сочтемся» купец Самсон Силыч Большов, не считаясь с желаниями дочери своей Липочки, собирается отдать ее замуж за приказчика своего Подхалюзина: «За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю». В комедии «Бедность не порок» купец Гордей Карпыч Торцов хочет переехать из провинциального города в Москву, чтобы там пускать пыль в глаза; «один в четырех каретах поеду», говорит он, дав волю своей фантазии. Особенно хорош купец Тит Титыч Брусков в комедии «В чужом пиру похмелье». Он не говорит, а рычит: «Настасья! смеет меня кто обидеть?» — Настасья Панкратьевна отвечает: «Никто, батюшка Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите». — «Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денег заплатил на своем веку». Жизнь среди таких деспотов и самодуров — источник не только комических сцен, но и печальных драм, как, напр., в «Грозе», где молодая женщина Катерина протестует против гнета самоубийством.

Как объяснить грубое самодурство, иногда выражающееся в совсем уж нелепых поступках, напр., когда разгулявшаяся в роскошном ресторане компания начинает бить дорогую посуду, зеркала, все, что попадает под руку? Как это ни странно, в таких поступках выража-

*) См. обстоятельную монографию В. Ермилова, А. П. Чехов, 2 изд. 1949.

**) Обстоятельные сведения о жизни и творчестве Островского содержатся в книге А. И. Ревякина, А. Н. Островский, Москва 1949. В ней исправлены многие ошибки, встречающиеся в прежних биографиях Островского.

ется примитивная форма любви к свободе. Возвышенный характер имеет любовь к свободе тогда, когда человек любит свободу, как принцип, который должен быть положен в основу жизни всякой личности. Такой человек заботится не столько о своей свободе, сколько о том, чтобы не стеснять свободу других людей и отстаивать свободу, как принцип общественной жизни. У грубых эгоистических натур свободолюбие выражается лишь в требовании: «моему нраву не препятствуй». Богатство разнуздывает прихоти такого человека и он становится самодуром, угнетающим прежде всего наиболее близких к нему людей, членов своей семьи и всех, кто зависит от него. Островский, как великий художник, вскрывает мотивы поведения самодура. В комедии «Не все коту Масляница» купец Ахов говорит: «Ведь богатство-то чем лестно? Вот чем: что захотел, что задумал только — все твое». Ему более 60 лет; он хочет жениться на двадцатилетней девушке и говорит ей: «Как мне вздумается, так себя и поверну; я все могу, могущественный я человек». Привыкнув удовлетворять свои прихоти, самодур иногда и сам не знает, чего ему через несколько минут захочется. Богатый подрядчик Хлынов в комедии «Горячее сердце» говорит: «Ты почем мою душу можешь знать, когда я сам ее не знаю, потому это зависит, в каком я расположении».

Сила воли русского народа, как уже сказано было выше, выражается, между прочим, в том, что, заметив в себе какой-либо недостаток и осудив его, русское общество начинает решительную борьбу против него и достигает успеха. Семейный деспотизм стал посмешищем благодаря комедиям Островского. В борьбе против него не менее значительна была критика и публицистика Добролюбова в таких, напр., статьях его, как «Темное царство» и «Луч света в темном царстве», где он отстаивает достоинство личности и обличает нравственную низость самодурства. Уже во второй половине семидесятых годов Островский изображает и таких купцов, поведение и речь которых свидетельствует о начале европеизации этой среды. Позднее Боборыкин отмечает в своих романах поднятие культурного уровня купечества и русских промышленников. В конце XIX и в XX веке среди них явились высококультурные меценаты, как, напр., Савва Мамонтов, который основал частную оперу, открывавшую глаза общества на великую ценность русской музыки. Строй семейной жизни в русском обществе освободился от деспотизма и приобрел характер своего рода демократической республики.

Не менее решительную борьбу начало русское общество против телесных наказаний в семье и школе. Уже в 1858 году знаменитый хирург Пирогов начал печатать статьи о воспитании, в которых осуждал применение телесных наказаний. Еще решительнее выступил про-

тив этого варварства Добролюбов. Русское общество, и родители, и дети проявили чрезвычайную чуткость в этом отношении, считая телесное наказание грубым оскорблением личности. Этот прием воспитания был совершенно устранен из школы, да и в семейной жизни наказание розгой стало редким явлением. Вопросы воспитания и образования стали предметом живейшего интереса в русском обществе. В литературе появились ценные труды таких педагогов, как Пирогов, Ушинский, Водовозов, Стоюнин, Л. Толстой. В замечательной книге С. И. Гессена «Основы педагогики» сопоставлены педагогические идеи Пирогова и Толстого. В жизни искание новых путей образования и воспитания выразилось в основании образцовых частных средних школ. Таковы были, напр., в Петербурге гимназия М. Н. Стоюниной, вдовы В. Я. Стоюнина, и Тенишевская гимназия с Л. С. Таганцовой во главе, в Москве гимназии Поливанова и Алферовых, в Киеве гимназия А. В. Жекулиной. Ценные сведения о таких учебных заведениях находятся в книге О. В. Кайдановой «Очерки по истории народного образования в России и СССР». 1938—1939 г., 2 т.

Русские университеты считались учено-учебными заведениями: профессор должен был быть не только учителем своей науки, но и ученым, способным производить самостоятельные исследования. В XX веке столичные университеты, Санкт-Петербургский и Московский, стояли на уровне самых знаменитых западноевропейских университетов.

Жестокость органов государственной власти — весьма своеобразное явление. — Органы государственной власти, особенно полиция и военные сурово и неумолимо требуют исполнения приказаний государства. Такое поведение их не есть проявление их жестокости: когда человек выступает, как слуга государства, сквозь его волю и чувство действует само государство, так что индивидуальные свойства его воли и чувства отступают на задний план и становятся едва заметными. Это глубокое изменение личности человека при исполнении требований сверхчеловеческой власти, органом которой он служит, превосходно изображено Львом Толстым в «Войне и мире». Пьер Безухов, находившийся в плену у французов в Москве, пользовался их уважением и даже был в дружеских отношениях с офицерами и солдатами. Накануне выступления французской армии из Москвы для возвращения во Францию Пьер был обеспокоен участью тяжело больного пленного русского солдата. Капитан и капрал, заведывавшие отрядом пленных, в котором находился Пьер, были дружны с ним. Он заговорил с капралом о больном солдате. Капрал предложил ему из любезности трубку и сказал, что начальством все предусмотрено и потому Пьер может не беспокоиться о больном солдате. „Et puis, Mr. Kiril“, при-

бавил он, „vous n'avez qu'à dire un mot au capitaine, vous savez. Oh, c'est un... qui n'oublie jamais rien. Dites au capitaine quand il fera sa tournée, il fera tout pour vous“.)

На следующий день, когда начиналось выступление, в балаган, где жили пленные, вошел тот капрал, который накануне предлагал трубку Пьеру. Он должен был пересчитать пленных. Пьер подошел к нему и спросил: „Сarolal, que fera-t-on du malade?“ .**) Капрал был в походной форме, и Пьер, начав говорить с ним, «усомнился, тот ли это знакомый его капрал или другой неизвестный человек; так не похож был на себя капрал в эту минуту». Не только внешность, но и все поведение его глубоко изменилось. «Капрал нахмурился на слова Пьера и, проговорив бессмысленное ругательство, захлопнул дверь». «Вот оно!.. Опять оно!», сказал Пьер, и невольный холод пробежал по его спине. В измененном лице капрала, в звуке его голоса, в возбуждающем и заглушающем треске барабанов Пьер узнал ту таинственную, безучастную силу, которая заставляла людей против своей воли умерщвлять себе подобных, ту силу, действие которой он видел во время казни. Бояться, стараться избежать этой силы, обращаться с просьбами или увещаниями к людям, которые служили орудиями ее, было бесполезно. Это знал теперь Пьер. Надо было ждать и терпеть». — «Когда двери балагана отворились, и пленные, как стадо баранов, давя друг друга затеснились в выходе, Пьер пробился вперед и подошел к тому самому капитану, который, по уверению капрала, готов был все сделать для Пьера. Капитан тоже был в походной форме, и из холодного лица его смотрело то же «оно», которое Пьер узнал в словах капрала и в треске барабанов. „Filez, filez“ — приговаривал капитан, строго хмурясь и глядя на толпившихся мимо него пленных. Пьер знал, что его попытка будет напрасна, но подошел к нему. „Eh bien, qu'est ce qu'il y a?“ — холодно оглянувшись, как бы не узнав, сказал офицер. Пьер сказал про больного. „Il pourra marcher, que diable!“, сказал капитан. — „Filez, filez“, — продолжал он приговаривать, не глядя на Пьера. — „Mais non, il est à l'agonie...“ — начал было Пьер. „Voulez vous bien?..“ — злобно нахмурившись, крикнул капитан.***) Драм да да дам, дам, дам, трещали барабаны. И Пьер понял, что таинственная си-

*) И потом, господин Кирилл, вам стоит сказать слово капитану; вы знаете... Это такой... ничего не забывает. Скажите капитану, когда он будет делать обход, он все для вас сделает.

**) Капрал, что сделают с больным?..

***) «Проходите, проходите». — «Ну, что еще?» — «Он пойдет, чорт возьми! Проходите, проходите». — «Да нет же, он умирает»... «Поди ты к...»

ла уже вполне овладела этими людьми, и что теперь говорить еще что-нибудь было бесполезно».*)

В России, как и во всех других странах, государство в большинстве случаев сурово и непреклонно осуществляло свои требования, особенно тогда, когда оно имело дело с людьми, нарушавшими закон или стремившимися разрушить государственный строй. Однако доброта русского народа сказывалась нередко и в этих случаях. Воспоминания революционеров и вообще лиц, присужденных к каторге или ссылке, изобилуют рассказами о добродушном отношении к ним полиции и жандармов. Дебогорий-Мокриевич говорит, что жандармы во время переезда по железной дороге, доставляя еду из буфета, «советовали нам не стесняться и требовать всего, чего нам захочется, кроме спиртных напитков» (348). Короленко в своей четырехтомной автобиографии «История моего современника» говорит: «на темном фоне этих моих воспоминаний то и дело, как искорки, мелькают и еще будут мелькать неожиданные проявления человечности со стороны добрых людей на скверном месте». При этом он подробно рассказывает о добродушии начальника Вышневолоцкой политической тюрьмы Лаптева, также о жандарме в III отделении, который после «нарочито суровых окриков не велено разговаривать, сообщал шепотом сведения о моем брате».**)

Далее он обстоятельно рассказывает о доброте Пермского губернатора Енакиева (часть III) и в книге IV о добродушном исправнике в Олекминске. Содержанием целого рассказа «Чудная» служит поведение жандарма, который, жалея сосланную на поселение больную революционерку, несколько раз с опасностью повредить себе по службе навещает ее, чтобы узнать о ее положении, несмотря на то, что она враждебно смотрит на него, как на «врага».

Достоевский в «Братьях Карамазовых» дает живой конкретный образ проявления доброты русского человека даже и при исполнении обязанностей государственной службы. При аресте Димитрия Карамазова в Мокром и первом допросе его исправник Михаил Макарович бурно набросился на Грушеньку, считая ее виновницею беспутного поведения Димитрия, но очень скоро, прислушиваясь к тону показаний Димитрия, видя к тому же проявления горячей подлинной любви Димитрия и Грушеньки друг к другу, он совершенно изменил свое поведение. Он стал успокаивать и Димитрия и Грушеньку с отеческою добротою, заботясь о том, чтобы взволнованный Димитрий не показал на себя неправильно. Достоевский живо изображает открытость души

*) Война и мир. Том. IV, часть II, главы XI и XIII.

**) История моего современника. Москва 1938, кн. III, часть II, гл. V. Хороший человек на плохом месте.

русского человека и умение входить в душевную жизнь других людей, о чем мною рассказано в главе «Способность русского народа к высшим формам опыта».

Когда в семидесятых годах началось «хождение в народ», правительство черезчур испугалось этого движения и стало преследовать его крайне грубым способом, прибегая не только к законному судебному расследованию, но и к произволу административных распоряжений и даже наказаний без правильного суда. Дебогорий-Мокриевич рассказывает, что, когда он был арестован, полиция взяла от отца, матери и брата его подписку о невыезде из деревни (118). Многие лица ссылались на поселение даже и в «места отдаленные» не по приговору суда, а по распоряжению полиции. Сам государь принимал в этом участие: когда Чернышевский отбыл срок назначенной ему судом семилетней каторги, он был по распоряжению государя отправлен на поселение в здание тюрьмы в Вилуйске Якутской области. Наказания, налагаемые судом, нередко были слишком суровы. Бывали случаи смертной казни лиц, участие которых в революционном движении, напр., богатого помещика Лизогуба, дававшего деньги революционерам, вовсе не заслуживало такой меры.*) Присутствуя при таких казнях, говорит Дебогорий-Мокриевич, военные судьи были бледны, стояли с глазами, опущенными вниз, им было стыдно; офицеры, присутствовавшие при казни, возмущались (стр. 337).

Не удивительно, что вера в царя, как источник правды и милости, постепенно стала исчезать даже у крестьян. «Цари сами», говорит Короленко, «разрушили романтическую легенду самодержавия, созданную вековой работой народного воображения» (III, 53). Следующее наблюдение может подтвердить эту утрату. В 1909 г. наша семья наняла на лето дачу в имении Машук Ивана Ильича Петрункевича в Новоторжском уезде Тверской губернии. В Торжке мы наняли извозчика-крестьянина. Увидев среди деревенских домишек унылое каменное здание, я спросил у извозчика, что это такое. «Романовская гостиница» ответил извозчик, — «тюрьма».

Не надо, однако, преувеличивать недостатков самодержавной власти. Люди, не знающие русской культуры, обыкновенно, воображают, будто русское самодержавие было деспотизмом и государственная жизнь России была варварская. Это — грубое заблуждение. Если бы в Западной Европе было такое напряжение революционного движения, как в России в течение пятидесяти лет, многие западноевропейские правительства потеряли бы голову и стали бы совершать ошибки, может быть, более грубые, чем их делало русское правительство. Следу-

*) См. о Лизогубе книгу Кравчинского-Степняка «Подпольная Россия».

ющие цифры могут дать представление о том, с каким жестоким врагом приходилось бороться правительству. В 1907 году террористы из партии социалистов-революционеров убили 2543 агентов государственной власти, а наибольшее количество казней, именно 782, было совершено правительством в 1908 году.*)

Несмотря на отдельные ошибки правительства, общий характер государственной жизни России был далек от деспотизма. Точное представление о государственном строе России при самодержавии, т. е. до 1905 года дает книга Слиозберга о русском государстве. Этот труд, написанный евреем, присяжным поверенным, в высшей степени ценен потому, что открывает глаза на положительные стороны государственного строя России при самодержавной власти.

*) G. Vernadsky. „A History of Russia“, стр. 194.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Даровитость русского народа

1. Многосторонность даров.

Русский народ поражает многосторонностью своих способностей. Ему присуща высокая религиозная одаренность, способность к высшим формам опыта, наблюдательность, теоретический и практический ум, творческая переимчивость, изобретательность, тонкое восприятие красоты и связанная с нею артистичность, выражающаяся как в повседневной жизни, так и в творении великих произведений искусства.

Основное свойство русского народа, искание абсолютного добра, есть источник разнообразия опыта и разносторонности упражнения различных способностей. Отсюда естественно возникает богатое развитие духа и обилие дарований. О религиозной одаренности русского народа и способности к высшим формам опыта подробно сказано в первой и второй главе. Здесь займемся вопросом об уме народа и об искусстве.

К западноевропейской культуре Россия приобщилась только при Петре Великом и поразительно быстро усвоила ее настолько, что начала творчески проявляться в этой области. Уже в XVIII веке появился такой многосторонний гений, как Ломоносов, сын крестьянина рыбака, родившийся в самых суровых условиях жизни вблизи Белого моря. Девятнадцатый век весьма богат выдающимися учеными во всех областях знания. Укажу только несколько имен лиц, известных во всем мире: таковы математики Лобачевский, М. В. Остроградский, П. Л. Чебышев, физик П. Н. Лебедев, открывший давление света, П. Л. Капица, химики Менделеев, Ипатьев, кристаллограф и минералог Евраф Степанович Федоров, В. И. Вернадский (биосфера и ее законы), Докучаев, основатель науки почвоведения, физиолог И. П. Павлов,

С. Н. Виноградский,^{*)} государствовед Б. Н. Чичерин, историки Карамзин, С. М. Соловьев, Ключевский, Платонов, исследователь Римской и эллинистической истории и археолог М. И. Ростовцев, философ Владимир С. Соловьев. Убедительным доказательством высокого уровня русской науки во всех областях могут служить достоинства статей в русском «Энциклопедическом Словаре» Брокгауза и Ефрона. После большевистской революции во всех школах всех стран дети русских эмигрантов по способностям и успехам оказываются среди первых учеников.

Практический ум русского человека проявился в быстром и весьма успешном развитии промышленности и инженерного искусства во второй половине XIX века. Советское правительство, став в наше время насаждать преувеличенный национализм, старается с комическим усердием доказать, что все изобретения совершены в России. Однако не надо забывать, что некоторые важные изобретения сделаны действительно русскими; вспомним, напр., электротехника Павла Николаевича Яблочкова (1847—1894), А. С. Попова, изобретателя беспроволочного телеграфа, или в наше время Зворыкина (электронный микроскоп, участие в разработке телевидения). Сметливость русского крестьянина и рабочего давно уже замечена даже и иностранцами. Практический ум русского народа хорошо выразился в пословицах и поговорках, которые собрал В. Даль в своей книге «Пословицы русского народа».

Любовь к красоте и утонченное восприятие ее сказывается у русского народа в том, как способны видеть красоту природы даже и совершенно необразованные люди. Щедрин рассказывает о своей беседе с отставным солдатом, семидесятилетним стариком, который шел на Афон и, между прочим, заговорил о чудесах. «Нет того на свете знамения, которое бы, по Божьему произволению, случиться не могло! Только заверить трудно, потому как для этого надобно самому большую простоту в сердце иметь, — тогда всякая вещь сама тебе объявится. Иной человек ума и преизбыточного, а идет, примерно хоть по полю, и ничего не замечает. Потому как у него в глазах и ширина, и доли́на, и высь, и травка, и былие — все обыдень-дело... А иной человек, умом незлокозненным, сердцем бесхитростным действующий, кроме ширины, и долины, и выси, слышит тут гласы архангельские, красы бестелесные зрит». «Пташка Божия тебе песенку поет, ветерочки мягкие главу остужают, листочки звуками тихими в ушах шелестят... и столько становится для тебя радостно и незаботно, что даже плакать можно!»^{**)}

^{*)} В. А. Рязановский. Развитие русской научной мысли в XVIII—XX столетиях (науки о природе). 1949.

^{**)} Щедрин. Губернские очерки. III. Богомолыцы, странники и проезжие.

В книге «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу», содержанием которой служит духовный опыт крестьянина странника, сообщено о точно таком же восприятии природы. Шмелев в повести «Богомолье» тоже говорит о таком видении красоты. Можно думать, что и Достоевский, изображая с изумительною силою видения простыми людьми славы Божией в природе, не только выразил свои собственные переживания, но и наблюдал их у русских крестьян. В «Подростке» так говорит о природе странник Макар Иванович, а в «Братьях Карамазовых» старец Зосима рассказывает о подобном видении природы, в котором принимал участие вместе с ним и юноша крестьянин.

Будет время, когда наука освободится от псевдонаучных представлений о «научности» и станет изучать целестремительность всех процессов в природе, а, следовательно, и реализацию ценностей в ней. Тогда человечество научится видеть то, что мы слышим во время каждой литургии в церкви: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Исполнь небо и земля славы Твоея!» (Исаия 6,3).

Г. П. Федотов в книге «Стихи духовные» говорит о софийной религиозности русского народа. В духовных стихах восхваляется ангельская красота земли, не страстная, а материнская красота ее (стр. 76-79); всю космологию в них он характеризует, как софийную (140). В связи с софиологиею Земля понимается, как живое существо, как Мать-Земля. В книге «Russian Religions Mind» он указывает на то, что Православие уже в Византии имеет космологический софиологический характер. На греческих иконах Пятидесятницы под Апостолами изображается «Царь-Космос», тоже получающий дары Духа Святого. Русское православие придало этой космологии большую теплоту и силу (369). В русских летописях, говорит Федотов, дается нравственная характеристика князей, но при этом никогда не упускается из виду их телесная красота (267).

Любовь к красоте и артистичность русского народа замечена также иностранцами; о ней говорит, напр., Легра в книге «L' Ame russe» (стр. 247).

Средством для выражения мысли и творений воображения служит язык. Достоинства русского языка можно использовать, как веское доказательство одаренности русского народа. Литературный язык выработан художниками слова, но в основе его лежит творчество всего народа. Чтобы согласиться с этим, достаточно почитать басни Крылова и оценить в них меткость, точность, выразительность и богатство оттенков русского народного языка. Замечательно то, что речь простого русского народа близка к литературному языку. Недаром Пушкин сказал: «не худо нам иногда прислушиваться к московским

просвириям, они говорят удивительно чистым и правильным языком». Уже Ломоносов высоко ценил русский язык и восхвалял его, пожалуй, выше меры, а в XIX веке, благодаря великим писателям, он и в самом деле достиг высокой степени совершенства. Вспомним стихотворение в прозе Тургенева. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя, — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? — Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

В самом важном проявлении духовной жизни, в богослужении и религиозном культе вообще русский народ выработал высокую степень красоты. В Александро-Невской Лавре в Петербурге в годовщину смерти Чайковского всегда исполнялась его литургия. Поразительна была красота этого богослужения, — облачения духовенства, красота внешности и голоса дьяконов, пение хора, все детали были необыкновенно хороши и гармонически соотнесены друг с другом. Рассказ Потапенко «Октава» показывает, как даже в небольших провинциальных городах богослужение было школою эстетического воспитания.

Любовь к красоте и дар творческого воображения принадлежат к числу факторов, содействующих высокому развитию искусства в России. Начнем с русской литературы.

2. Художественная литература

Говоря здесь о художественной литературе, сосредоточим внимание не на красоте, а на сторонах литературы, служащих доказательством основных свойств русского народа, рассмотренных в предыдущих главах.

Возвышенный характер русской литературы общеизвестен. Искание абсолютного добра, смысла жизни, обличение зла, глубокое проникновение в тайники душевной жизни человека, воспитательный характер русской литературы, — все эти высокие свойства ее несомненны. Я упомяну здесь только несколько общеизвестных имен, которых достаточно, чтобы признать величие русской литературы.

Любимец русского народа Пушкин за полгода до своей кончины в стихотворении «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» так охарактеризовал свою поэзию:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Пушкин правильно определил сущность своей поэзии, как это обстоятельно выяснил Лев Львович Кобилинский (1874—1947), философ, эмигрировавший из России в 1911 году вследствие нанесенного ему оскорбления. *)

Желая познакомить Западную Европу с высоким духом русской литературы, Кобилинский издал по-немецки книгу о Жуковском и написал обширное исследование о Пушкине, которое не успел напечатать. В труде о Пушкине Кобилинский путем анализа таких произведений, как «Моцарт и Сальери», «Борис Годунов», «Скупой Рыцарь» и т. п. убедительно доказывает, что Пушкин был реалист, но он изображал действительность в свете Божией правды.

Пушкин в области поэзии принадлежит к числу творцов, подобных Рафаэлю. В его произведениях нет кричащих красок и резких форм. Даже в изображении глубинных ступеней зла или исключительных характеров и положений, или обыденной действительности он умеет достигнуть такой многосторонности и гармонии, такого синтеза, в силу которых резкие углы не выступают и творение его фантазии оказывается таким же содержательным и полным смысла, трудно постижимого нами, как и сама мировая действительность, руководимая Провидением. Чтобы согласиться с этим, достаточно вспомнить такие творения Пушкина, как «Борис Годунов», «Пир во время чумы», «Медный Всадник», «Моцарт и Сальери» или стихотворения «Воспоминание», «Возрождение», «Для берегов отчизны дальней», «На холмах Грузии». Впрочем, не будем перечислять перлы его творчества: чтобы переименовать их все, пришлось бы дать слишком длинный список. Кто знает эти произведения, кто достаточно проник в их содержание и форму, тот не усомнится, что Пушкин принадлежит к числу первоклассных гениев, к тому ряду, в котором находятся Эсхил, Софокл, Данте, Шекспир, Гете, Шиллер, Достоевский, Лев Толстой.

Достоевский в своей речи, произнесенной во время торжеств, связанных с открытием памятника Пушкину в Москве, сказал, что «Пушкин есть явление чрезвычайное... и пророческое». Он проявил способность «всемирной отзывчивости», «обладал свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность». Эту «главнейшую способность нашей национальности» он «разделяет с народом нашим» и потому он наш «народный поэт». «Сила духа русской народности» есть «стремление ее, в конечных целях своих, ко всемирности и всечело-

*) О его личности и судьбе см. воспоминания Андрея Белого «На перевале», «Между двух революций». См. о нем также мою „History of Russian Philosophy“, гл. XXVI.

вечности». Пушкин есть явление пророческое потому, что в поэзии его выразилась «народность нашего будущего». *)

Лермонтов с его загадочным характером способен был написать кощунственное стихотворение «Благодарность», обращенное к Богу с ироническими выражениями благодарности и заканчивающегося просьбою:

Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Желание его было исполнено: через полгода на дуэли пуля попала ему прямо в сердце. И этот самый Лермонтов обладал высокою способностью религиозного опыта. Он воспринимал иногда природу так, как видят ее странники с чистым сердцем, созерцающие в ней славу Божию. Чтобы согласиться с этим, нужно прочесть стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива» и тогда станет понятным конец его:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

Такое же созерцание природы выражено и в стихотворении

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

На такой же основе возникла и молитва

«В минуту жизни трудную»...

Глубокая религиозность Лермонтова выразилась в молитве его:

«Я, Матерь Божия, ныне с молитвою»... к «Теплой заступнице мира холодного».

Возможно, что загадка мятежной души Лермонтова была бы разрешена, если понять судьбу его так, как он описывает в стихотворении «По небу полуночи ангел летел» жизнь души, принесенной на землю ангелом:

*) См. также ценную статью С. Франка «Пушкин об отношении между Россией и Европой», Возрождение, 1949, тетрадь 1.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли. *)

Замечательна любовь Лермонтова к русской природе и к русскому народу, выраженная, например, в стихотворении «Люблю отчизну я, но странною любовью».**)

Стихотворение «Три пальмы» можно понять лишь на основе философии, признающей пронизанность всего мирового строя нравственным смыслом.***)

О Гоголе Мережковский сказал, ссылаясь на его собственные слова, что он задался целью бороться с дьяволом, изображая в комическом виде его, а также людей, дошедших под его влиянием до крайних степеней опустошения души или уродства ее.

Тургенев своими «Записками охотника» содействовал сочувствию русского общества к освобождению крестьян от крепостного права. Чуткий к красоте он превосходно изобразил красоту русской природы, русской песни и языка, красоту и силу духа русской женщины. Следя за новыми явлениями в нашей общественной жизни (нигилизм, хождение в народ), он, как человек мягкий и добрый, обрисовывал теневые стороны их, не упуская однако из виду связи их со стремлением к добру.

Достоевский вскрыл сатанинские глубины зла в человеке и показал, что спасение от зла возможно не иначе, как при благодатном содействии Господа Бога.****)

Лев Толстой в романе «Война и мир» изобразил не просто жизнь отдельных русских людей, а душу всей России, как целого. Всем творчеством своим он содействует освобождению человека от заботы о своем маленьком я и воспитанию в нем всеобъемлющей любви.

Всеволод Михайлович Гаршин был близок к идеалу всеобъемлющей любви. Чуткий ко злу он в начале своего творчества сосредоточивал внимание на несовершенствах общественной жизни, а под конец

*) О том, как интенсивно мысль Лермонтова была направлена на рай и на ад см. книгу Н. Бродского «М. Ю. Лермонтов», 1945.

**) О любви русских поэтов к скромной русской природе и русскому народу см. мою книгу «Мир как осуществление красоты».

***) См. об этом мою книгу «Условия абсолютного добра» („Des conditions de la morale absolue“), главу «Предвестники нравственности в дочеловеческой природе». („Forerunners of morality in prehuman nature“).

****) См. мою книгу «Достоевский и его христианское миропонимание».

в таких произведениях, как «Attalea princeps» и «Красный цветок», дошел до сознания всеобъемлющего зла в нашем царстве бытия, не видя при этом, как из него выйти.

О том, что есть выход из мирового зла, знает лишь христианин, верящий Христу и его проповеди Царства Божия, как абсолютного добра, подлинно осуществленного в высшей области преображенного бытия. Говорят, что Гаршин воскликнул однажды, имея в виду религию: «Зачем у меня все это вытравили!» *)

В творчестве Лескова**), Чехова, Короленко мы находим все перечисленные высокие достоинства русской литературы — искание абсолютного добра, смысла жизни, человеколюбие, обличение пошлости, защиту достоинства личности, борьбу с общественною неправдою и всякими несправедливостями. И в современной эмигрантской письменности сохраняется высокий характер русской литературы: вспомним имена Бунина, Шмелева, Зайцева.

Ценные характеристики творчества русских писателей, выраженные к тому же превосходным языком, можно найти в трех томах книги Ю. Айхенвальда «Силуэты русских писателей». Еврей Айхенвальд принадлежит к числу тех представителей высоко даровитого еврейского народа, которые глубоко проникли в дух русской культуры, полюбили ее и своим творчеством внесли в нее ценный вклад.

Что касается русской стихотворной поэзии, глубокий смысл ее и высокая красота несомненны. Достаточно вспомнить следующие имена: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Блок.

Чрезвычайная даровитость русского народа сказывается, между прочим, в том, что в русской литературе в течение одного века явились три несомненных гения: Пушкин, Достоевский и Лев Толстой.

Особо следует отметить, что обличение зла нередко выражается у русского народа в форме сатиры. Островский говорит о «сатирическом складе русского ума» и указывает на «бойкие, живые» народные слова для характеристики всех явлений.***) Известно, как метки прозвища, даваемые людям русским народом.

*) Г. А. Бялый. В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов, Москва 1937, стр. 181. Книга эта в анализе творчества Гаршина полна скучных и поверхностных марксистских штампов, напр., в рассуждениях о мелкобуржуазном характере народничества, но в ней выполнена и очень ценная работа, именно даны сведения о множестве фактов литературной борьбы последней четверти XIX века. В ней, напр., сообщены крайне различные оценки русско-турецкой войны за освобождение славян и еще более сложные факты борьбы общественных настроений, имеющих связь с творчеством Гаршина.

**) О Лескове есть превосходная монография Л. Гросманна.

***) А. Ревякин. А. Н. Островский, стр. 91.

Сквозь всю историю русской литературы тянется струя острых и талантливых обличений зла и всяких недостатков русской жизни, весьма содействовавшая поднятию уровня жизни. Из комедии Грибоедова «Горе от ума» многие меткие замечания стали своего рода поговорицами и поговорками. «Ревизор» и «Мертвые души» Гоголя глубоко повлияли на жизнь русского народа, напр., содействуя искоренению взяточничества. Даже и в наше время такие образы, как Хлестакова или Ноздрева, напоминают русскому человеку, каких свойств своего характера следует ему опасаться. Лермонтов, потрясенный гибелью Пушкина, написал стихотворение «Смерть поэта», кончающееся так:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи! . .
Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: Он ждет;
Он недоступен звону злата.
И мысли и дела Он знает наперед,
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Хомяков, славянофил, преувеличивавший достоинства России, призывал в начале Севастопольской кампании русский народ к покаянию, гневно перечисляя грехи России:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Через десять лет после этого призыва к покаянию произошла великая реформа суда, поставившая Россию выше других культурных стран по достоинствам ее судопроизводства. Я говорю это с уверенностью в своей правоте на основании сведений, которые нам в Праге давал замечательный деятель русского суда Сергей Владиславич Завадский. Чтобы было понятно, насколько можно доверять суждениям Завадского, я сообщу подробнее о свойствах этой выдающейся личности.

Перед революцией Завадский был прокурором Судебной Палаты в Петрограде; при Временном Правительстве он стал сенатором. Сергей Владиславич был человеком исключительного благородства; в сложных общественных вопросах и столкновениях его решения могли служить гарантией моральной правильности поведения. Во всей его фигуре, манере речи и обхождении был отпечаток утонченной дворянской тургеневской культуры. Кроме вопросов юриспруденции, Завадский увлекался исследованием русского языка. В этой области у него было много оригинальных наблюдений и соображений. Им было основано в Праге общество для изучения русского языка. Его знания в области русской и иностранных литератур были изумительны. Особенно любил Сергей Владиславич древнюю греческую литературу и греческий язык. Не удовлетворяясь в некоторых отношениях существующими переводами греческих трагиков, он первый осуществил перевод всех трагедий Эсхила и некоторых произведений Софокла. Каждый свой перевод он снабдил ценным введением и комментариями. В 1937 году появился в Советской России перевод Пиотровского всех трагедий Эсхила. Тем не менее несомненно, что и теперь издание перевода Завадского имело бы тоже большую ценность.

На Юридическом факультете Русского университета в Праге Завадский был профессором гражданского права. Теоретические и практические знания его в области юриспруденции были замечательны. Завадский особенно любил и высоко ценил русский суд, как он был организован благодаря реформе Александра II. Вследствие долголетней службы на всех ступенях этого суда он знал его особенности в совершенстве и углубил эти сведения сравнением с юстицией в Западной Европе и Соединенных Штатах, где он во время поездок за границу посещал заседания суда. Свои мысли о русском суде он изложил в десяти двухчасовых популярных лекциях, прочитанных им в Праге за полгода до своей кончины.

Творчество Островского, примеры которого были даны в предыдущей главе в связи с вопросом о самодурстве и семейном деспотизме, представляет собою хороший образец «сатирического направления русского ума».

Достоевский дал в романе «Бесы» потрясающее изображение сатанинской стороны русского революционного движения, но в том же романе он заклеил и губернаторский произвол. Вообще сатирическое изображение полицейского удушения жизни было весьма распространено в русской литературе царского времени, когда, несмотря на цензуру, можно было в значительной мере бороться с недостатками общественной и государственной жизни. Достоевскому принадлежит

насмешливое выражение «административный восторг». Щедрин создал образ «Угрюм-Бурчеева», Чехов — «унтера Пришибеева».

Русские писатели нередко также боролись со злом и средствами мягкого юмора. Чехов задавался целью юмором побеждать зло. Владимир Соловьев, чрезвычайно чутко подмечавший всякое уклонение от добра, любил шутки и юмор. Ему принадлежит стихотворение

Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.
Звучи же, смех, свободною волною
И хоть на миг рыданье заглуши.
Ты, Муза бедная! над темною стезею
Явись хоть раз с улыбкой молодою
И злую жизнь насмешкою незлою
На миг обезоружь и укроти.

Но мастером злой насмешки был Салтыков-Щедрин, стоящий в ряду величайших сатириков мировой литературы. В «Истории одного города» он изображает Историю России под видом истории народа «головотяпов», которые обо все головою тппали, об стену, даже об пол, когда Богу молились. Принявшись свою землю устраивать, они начали с того, что «Волгу толочком замесили . . . , свинью за бобра купили, да собаку за волка убили . . . потом комара за восемь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел». Когда надумали искать себе князя, «искали, искали они князя и чуть-чуть в трех соснах не заблудились». Князь объявил: «тех из вас, которым ни до чего дела нет, я буду миловать, прочих же всех казнить». И в самом деле, во время Севастопольской кампании, когда русское общество стало тревожиться, узнавая о злоупотреблениях интендантства и т. п. недостатках, Император Николай I воскликнул: «Им какое дело!» У русского народа до ограничения самодержавия манифестом 17 октября 1905 года не было даже права подачи петиций. Правда, после октябрьской революции Советское правительство пошло гораздо дальше: оно отменило даже право молчания.

Все уголки и обычаи русской жизни привлекали к себе внимание Щедрина и всякую пошлость он обличал беспощадно. В очерках «За рубежом» он, напр., рассказывает о господине, который говорит: послужил и жду «прростого ррусского спасибо!» В очерках «Круглый год», говоря о русских помещиках, проматывающих свое состояние, наслаждаясь жизнью в Париже и на курортах, он приводит телеграмму из Ниццы от матери, поздравляющей сына с получением чина коллежского советника: „Suis toute fière benis conseiller collèге Vendez Russie

vendez vite argent envoyez Suis à sec Nathalie" (Преисполнена гордости. Благословляю коллежского советника. Продавай Россию, продавай быстро, высылай деньги. Сиж на мели. Наталия). Получатель телеграммы поясняет: «у нас есть пустошь Рускина, а на телеграфе переврали: Russie. — Гм... какая однакож, можно сказать, провиденциальная ошибка!»

В «Письмах к тетеньке» рассказано о Ноздреве, который издает газету «Помои», издание ежедневное, «без претензий и мило. В программе объявления сказано, мы имеем в виду истину — еще милее». В наше время необходимо издание сочинений Щедрина с комментариями, открывающими, против кого направлены, были такие выпады его. Но они сохраняют значение и для нашего времени, когда в Советской прессе издается, например, газета «Правда», где нет почти ни одного слова правды.

Не только о реакционерах, о подвигах Угрюм-Бурчеевых, об «охранительной» публицистике, но также и о либералах Щедрин находит, что сказать. В «Сказках» он так изображает степени уступчивости мягкотелого либерала: «по возможности», «в пределах» — свобода, обеспеченность, самостоятельность; «хоть что-нибудь» и, наконец, сведущие люди посоветовали: идеалы сократи и действуй «применительно к подлости».

Великолепны имена, изобретаемые Щедриным, например, фамилии кулаков — Колупаевы, Разуваевы; нововременского критика Буренина, талантливое, но грубое, он назвал Неуважай-Корыто. Имея в виду свойства населения различных губерний Щедрин использовал насмешливые характеристики их, изобретенные самим русским народом: кособрюхие, губошлепы, вислоухие, лукоеды и т. п. «Русский народ на прозвища мастер», говорит Тургенев в рассказе «Певцы» и приводит несколько примеров, характеризующих лиц, бывших при нем в корчме, например Оболдуи, Моргач.

Иностранцы, читая русскую литературу, изобилующую обличениями недостатков русской жизни и русского государства, нередко воображают, будто русский народ — особенно порочный, примитивный и жалкий. Они не понимают того, что подчеркнуто сатирический характер русской литературы свидетельствует о борьбе русского народа со своими недостатками и борьба эта в высокой степени успешна. Нашелся социолог Бруфорд (W. N. Bruford), настолько непонимающий этого значения сатирической литературы, что в 1947 году он написал книгу „Chekhov and his Russie“ и назвал свой труд «социологическим исследованием» (Asociological study): он вообразил, будто, пользуясь произведениями Чехова, односторонне сосредоточившего внимание на отрицательных явлениях русской жизни и редко изображавшего поло-

жительные стороны ее, можно дать характеристику России, как целого. Ему неизвестно, что Чехов, хорошо знавший Россию, сказал в письме к сестре: «Боже мой, как богата Россия, хорошими людьми». Сам Чехов в своем служении народу, как земский врач, воплотил в своем поведении все добрые качества замечательной по своим высоким достоинствам русской интеллигенции. Ничего этого не зная, Бруфорд в конце своей книги сочувственно ссылается на книгу Эрнеста Баркера („Reflections on Government“, Оксфорд 1942, стр. 313), который говорит, что в России имеется невежественное, дрянное (wretched) крестьянство и «лицемерная, лживая, истерическая, необразованная (uneducated), ленивая интеллигенция»; такому народу, говорит он, необходима была большевистская диктатура (Бруфорд, стр. 219). Всеми миру известно теперь, что безбожный и бесчеловечный советский режим представляет собою сатанинское зло. Какое отсутствие нравственной чуткости проявляют люди, думающие, что какому бы то ни было народу полезно было бы подпасть такому режиму! Если бы Бруфорд узнал о России то, что знают о ней люди, подлинно изучившие ее, Леруа-Болье, Грахам, Бэринг, Пэрс, Шубарт, он краснел бы от стыда, читая свою книгу.

3. Музыка. Театр.

В конце XIX века исследователи русской музыки в России и одновременно с ними чех Куба обратили внимание на высокие достоинства русской народной песни. В обстоятельной «Истории русской музыки», изданной в Москве в 1940 году под редакцией профессора Пекелеса, первая глава посвящена «Русской народной песни». «Песнетворчество русского народа», читаем мы в этой книге, «является основой русской классической музыки» (стр. 7). «Русский народ отличается исключительно музыкальностью. Поэзия и музыка — в частности песня — занимают в его жизни большое место. Песня сопровождала все основные моменты жизни русского крестьянства»: колыбельная песня, причитания при похоронах, свадебные, при детских играх, при земледельческих работах, песни ямщиков; любовь к своей истории — богатырский эпос, исторические песни (11 с.). «Русская народная музыкальная культура отличается необычайным многообразием песенных жанров. Суровый величественный эпос о героическом прошлом рядом с бунтарскими, мятежными песнями о вождях крестьянских восстаний — Разине и Пугачеве; скорбные причеты, лирико-философское раздумье «протяжных» песен, хлесткая шутка, подчас пародия, частушки, веселые игровые, хороводные, плясовые — вот

далеко не полный перечень существующих жанров русского фольклора».

«Своеобразная полифоническая и ладогармоническая фактура является отличительной особенностью русской народной музыкальной культуры, выделяющей ее и в ряду народов, населяющих территорию Советского Союза, и среди музыкального фольклора западноевропейских стран, большинству которых многоголосные формы не свойственны (13). «В основе русского народного многоголосия лежит система подголосков, образующая, так называемую, подголосочную полифонию» (41). Состоит она в том, что хоровую песню начинает запевало, а после него постепенно вступают в хор другие певцы, исполняющие варианты первоначальной мелодии. «Подголосок есть вариант начальной мелодии; подголосок представляет собою как бы развитие, разработку основных интонаций ведущей мелодии» (42). «Основой искусства подголосочников служит принцип свободной импровизации. Поэтому крестьянский хоровой коллектив и двух раз не споев одну и ту же песню одинаково». Народный хор есть «с в о б о д н о е е д и н е н и е м н о г и х л и ч н о с т е й в о д н о ц е л о е» (42).

Англичанин Альфред Сван (Swan), профессор истории музыки в Swarth more College, вблизи Филадельфии, исследовавший русское церковное пение и народную песню написал статью „The Nature of the Russian Folk-Song“. *)).

Начинает хоровую песню запевало, пишет он, потом вступают постепенно другие певцы; каждый голос исполняет вариант главной мелодии, импровизируя, и тем не менее эти импровизации «чудесно, с безошибочным инстинктом и музыкальною целью творят совершенную гармонию» (509).

Русские похоронные плачи собрала в Печорском краю вблизи Пскова Елизавета Малер (Mahler), профессор Базельского университета, и напечатала их в книге „Die Russische Totenklage“, 1936. Кроме того, она собрала в том же краю народные песни и с помощью фонографа записала исполнение их: „Altrussische Volkslieder aus dem Pecoryland“. Basel. Bärenreiter-Verlag, 1951.

«Каждая русская песня исходит из глубочайших недр души», говорит Степун.**) Чарующую силу русской народной песни увлекательно характеризует Гоголь. «Русь! Русь! бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства города с многочисленными высокими дворцами»... «Открыто, пустынно и ровно все в тебе; как

*) В журнале The Musical Quarterly, октябрь 1943, т. XXIX, № 4.

**) F. Stepun. „Vergangenes und Unvergängliches“, т. I, 83.

точки, как значки неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается неумолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей от моря до моря песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу и выются около моего сердца?» *)

В «Записках охотника» Тургенева есть чрезвычайно красивый рассказ «Певцы». В нем описано состязание двух певцов в деревенской корчме. Яков, победивший в этом состязании, пропел песню «Не одна во поле дороженька пролежала». В его песне была «и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны». «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы». И у других слушателей, пишет Тургенев, были на глазах слезы.

Англичанин Бэринг говорит о музыкальности русского народа, и об очаровательности русской народной песни, в которой выражается меланхолия, сердечная боль или увлекательное веселье.**)

Что касается русской инструментальной музыки, всему миру известны такие композиторы, как гениальный Глинка, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Чайковский, Глазунов, Скрябин, Прокофьев, Шостакович. Способность Пушкина воплощать в своих произведениях не только русскую жизнь, но и дух других народов проявлена также и названными музыкантами, например, в композициях на восточные мотивы. Оперы их принадлежат к области возвышенного искусства благодаря не только музыкальной красоте, но и значительности их содержания. В постановке такой оперы, как «Китеж» достигнуто гармоническое сочетание трех искусств: музыка Римского-Корсакова, талантливое поэтическое произведение В. И. Бельского и превосходные декорации художника Коровина.

Даже среди русских романсов есть произведения, влекущие вверх к совершенному добру. Таков, например, романс Чайковского на стихотворение Хомякова:

*) Мертвые души, т. I, гл. 11.

**) M. Baring. „The Russian People“, стр. 60 с.

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе . . .
Есть у подвига крылья
И взлетишь ты на них . . .

Благодаря умению русских людей входить в чужую душевную жизнь театральное искусство стоит в России на высокой ступени развития. Вспомним хотя бы несколько таких имен, как Мочалов, Щепкин или в более близкое к нам время — Савина, Ермолова, Комиссаржевская, Орленев (особенно в роли царя Феодора Иоанновича), Станиславский и вся его группа с несравненным Качаловым во главе. В этом ряду надо упомянуть и великий гений Шалапина, который был не только певцом, но и замечательным драматическим артистом.

Искусство танца также в высокой степени свойственно русскому народу. Толстой в «Войне и мире» говорит о музыкальности русского народа и о том, как Наташа Ростова, слушая игру своего дядюшки на гитаре, стала плясать: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этот дух? Откуда взяла она эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка». *)

Высокие достоинства русского балета известны всему миру. Достаточно упомянуть имена Павловой, Тамары Карсавиной, Нижинского или напомнить о постановке Фокиным полонецких танцев в опере «Князь Игорь». Благодаря организаторской деятельности и энергии Сергея Павловича Дягилева (умер в 1936 г.) русский балет, опера (Лебединое озеро, Князь Игорь, Жар Птица и др.) и театральная живопись стали известны всему миру и оказали влияние на европейское искусство.

4. Живопись. Архитектура.

До Петра Великого, приобщившего Россию к западноевропейской культуре, у русского народа живопись была почти исключительно религиозная. Расцвет ее относится к концу четырнадцатого, пятнадцатому и шестнадцатому векам. Красота этой иконописи служит хорошим выражением высокого духа русской религиозности: она не имеет ха-

*) Война и мир, часть IV, глава VII.

рактера земной миловидности, но поднимает дух в сферу сверхземного бытия. Самым талантливым представителем этой живописи был Андрей Рублев и самое совершенное творение его икона «Св. Троицы», находящаяся в настоящее время в Третьяковской галлерее в Москве. Историк русского искусства В. А. Никольский пишет о ней: «Рублевская Троица, прежде всего, поражает особою артистичностью своей гаммы колорита, своим основным мерцающим тоном бледного золота или спелой ржи. Желтовато-палевые, сизоватые, лилово-пурпурные тона искусно приведены в певучую гармонию с голубыми и нежно-зелеными... Композиционное строение иконы не менее исключительно, чем ее колорит. Группа ангелов вписана в символ бесконечности — кольцо. Строгая уравновешенность композиции иконы вполне отвечает ее внутреннему миру, основному замыслу ее творца. Именно великое спокойствие, великое равновесие духа, всецело погруженного в религиозное созерцание, хотел воплотить живописец в этой иконе. Все традиционно в рублевской иконе, но есть в ней какая-то особенная просветленность, какая-то особая зоркость видения, особая острота чувства прекрасного, неотразимо влекущая к этому мировому шедевру живописи даже людей абсолютно чуждых мистики и религиозности, даже неспособных понять и разделить замыслы художника».*)

Были в церквях также и фрески, напр., в Димитриевском соборе во Владимире фрески XII века. Воспроизведения этого богатства религиозной живописи стали в наше время доступными всему миру особенно благодаря трудам Кондаковского Семинария (*Seminarium Kondakovianum*), который был основан в Праге учениками историка искусства Никодима Павловича Кондакова.**)

Религиозно-философский смысл русской иконописи разъяснил кн. Е. Трубецкой в своих двух брошюрах — «Два мира в древнерусской живописи» и «Умозрение в красках». Подлинники превосходных древних икон можно видеть в Москве в Третьяковской галлерее.

После реформы Петра Великого появились уже в XVIII веке такие значительные художники, как Левицкий (1735—1822), Рокотов (умер в 1812), Боровиковский (1757—1826), а в первой половине XIX века — Кипренский (из крепостных крестьян), Тропинин (из крепо-

*) Цитату я беру из книги В. А. Рязановского «Обзор русской культуры», т. I. В книге этой содержится ценный обзор русской иконописи на основании современных исследований, стр. 554—608.

**) Н. Кондаков. Русская икона. См. также книгу — Leonid Ouspensky and Vladimir Lossky. „Der Sinn der Ikonen“, Graf-Verlag, Bern 1952. Igor Grabar. „Die Freskomalerei der Dimitris Kathedrale in Vladimir“. Petropolis-Verlag. Berlin.

стных крестьян) и замечательный художник Александр Иванов (1806—1858).

После смерти Николая I и особенно со времени великих реформ Александра II интересы русской интеллигенции крайне односторонне сосредоточились на вопросе об ограничении самодержавия и на искании социальной справедливости, которая многим казалась достижимой не иначе, как путем осуществления социализма. Началось хождение в народ, появилась народническая литература и в живописи началась деятельность «передвижников» художников, основавших в 1870 г. «передвижные выставки». Картины передвижников были народнической публицистикой в красках и линиях: темой их произведений были быт народа, нужды его, притеснения власти, несправедливости социального неравенства. Художественная ценность этого искусства была не высока, хотя среди передвижников и были талантливые художники, напр., Перов, Крамской, Ярошенко, Верещагин. В последнем десятилетии XIX века началось движение против односторонности передвижников. Явились художники, понимающие, что, кроме «гражданских мотивов», все другие стороны бытия могут быть содержанием художественного творчества; увлекаясь красотой красок и линий, заботясь о художественном стиле своих произведений и дорожа индивидуальностью творца в области искусства, они положили начало чрезвычайному расцвету русской живописи. В 1898 году они основали журнал «Мир искусства» и начали устраивать свои выставки картин. Художники, имена которых я назову, являются представителями крайне различных стилей; некоторые из них начали, как передвижники, и вышли впоследствии из этого лагеря. Не только в России, но и за пределами ее известен грубоватый, но мощный талант Репина. О Сурикове выразителе могучей силы русского народа, было сказано в главе «Чувство и воля». Левитан принадлежит к числу тех евреев, которые внесли неоценимый вклад в русскую культуру. Он страстно полюбил и понял скромную красоту русской природы и выразил душу ее в своих картинах (напр., «Над вечным покоем», «Вечерний звон»). В одном из писем он говорит, что чувствует «Божественное нечто, разлитое во всем, но что не всякий видит, что даже и назвать нельзя, так как оно не поддается разуму, анализу, а постигается любовью». М. П. Чехова, сестра писателя, рассказывает, что Левитан любил вечернюю службу где-нибудь в деревенской церковке. Тихая ее прелесть была этому еврею ближе, чем многим православным.*) Религиозную живопись обогатили оригинальными произведениями Виктор Васнецов, Нестеров («Пустынник», «Отрок Варфоломей», «Великий постриг»), Вру-

*) Сергей Глаголь и Игорь Грабарь. Исаак Ильич Левитан, стр. 43, 53.

бель (роспись церкви Кирилловского монастыря близ Киева). Значительное влияние оказали на многих художников такие утонченные эстететы, как «художник Версаля» Александр Бенуа и Константин Сомов. Разнообразие дарований и тем творчества художников предреволюционного времени становится ясным при сопоставлении следующих имен: Рерих, Билибин, Остроумова-Лебедева, Добужинский, Лукомский, Кустодиев, Малявин, Петров-Водкин. Особого упоминания заслуживает театральное искусство декораций и костюмов, повлиявшее на Западную Европу; в этой области поработали Бенуа. Константин Коровин, Врубель, Рерих, Добужинский.

Книга Александра Бенуа «Русская школа живописи» содержит в себе историю русской живописи со времени Петра Великого. Она дает представление о расцвете этого искусства в конце XIX и начале XX века. Понятны поэтому следующие слова Христиана Бринтона, написавшего предисловие к английскому переводу этой книги: «Русский везде проявляет силу непосредственного конкретного наблюдения и способность схватывать жизненные стороны данной сцены или ситуации и достигать в изображении их убедительной действенности». «Я радуюсь случаю признать, хоть в малой мере, долг, которым я обязан вашей сложной и вдохновляющей стране». Талантливый живой очерк расцвета русской живописи дал С. Маковский в книге «Силуэты русских художников», Прага 1922.

Кустарное народное искусство также содержит в себе не мало проявлений талантливости русского народа. Наряду с ремесленными произведениями есть и подлинное творчество в работах, напр., иконописцев села Палех или села Холуй, Владимирской губернии. В эпоху расцвета русской живописи интеллигенция обратила внимание на кустарное искусство и приобщилась к нему главным образом в замечательных мастерских имения Талашкино княгини Тенишевой в Смоленской губернии и в селе Абрамцеве Мамонтова.*)

В области архитектуры русский народ в течение всей своей истории проявлял интерес и способность к храмовому зодчеству. Сведения об этом искусстве можно получить в великолепной «Истории русского искусства», двадцать два выпуска которой вышли под редакцией Игоря Грабаря. Ценный труд этот не был закончен, потому что во время Первой мировой войны московская чернь, учинившая немецкий погром, напала на издательство Кнебеля и уничтожила клише, заготовленные для продолжения этой истории искусства.

*) Serge Makovsky. Talachkino. L'art décorative des ateliers de la princesse Ténichef. N. Roerich. Souvenir d'un voyage à Talachkino. St. Pétersbourg, 1906.

Способность к архитектуре русский народ проявил с самого начала своей культурной жизни. Она проявлялась до XVIII века преимущественно в храмовом зодчестве. Первые церкви были построены Византийскими мастерами; русские мастера стали вносить в них новые черты сообразно своему вкусу и во Владимирско-Суздальской области появились храмы, представляющие собою результат русского оригинального творчества, например, Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме, вслед затем церкви в Москве и ее окрестностях; ценны также храмы Новгорода, Пскова и замечательные деревянные церкви на севере России. Живое представление об этой церковной архитектуре и ее достоинствах дают статьи в «Истории русского искусства» Игоря Грабаря.

Тамара Толбот Райс в книге „Russian Art“ дает следующую оценку архитектуры русских церквей: «Основной характер русской архитектуры в целом может быть определен, как гениальное понимание композиции, привлекающей внимание внушительным размахом, декоративною формою или очаровательною интимностью. У русских архитекторов безошибочный глаз в отношении красивых, иногда неожиданных пропорций и предпочтение к эффектам, зависящим главным образом от формы, но иногда также поддерживаемым декоративными украшениями».*)

Светская архитектура была преимущественно деревянная. Богатые бояре строили себе затейливые терема. Образцом их может служить дворец царевича Димитрия в Угличе и особенно сложный царский дворец в селе Коломенском, модель которого хранится в Москве.

В XVIII веке Петр Великий пригласил из Италии скульптора Растрелли, который, основавшись в России, привез в 1716 году своего шестнадцатилетнего сына в С.-Петербург. Молодой человек глубоко усвоил своеобразие русской архитектуры, особенно Московской, изучил архитектуру Франции и Италии и стал великим оригинальным архитектором, сочетавшим в своих творениях западноевропейское и русское искусство. Ему принадлежит много ценных сооружений, напр., Смольный монастырь, Царскосельский дворец, Собор Сергиевской пустыни близ Стрельны и др. Под руководством Растрелли (умер в 1771 г.) воспиталась целая школа русских архитекторов XVIII века. К ней принадлежат князь Ухтомский, Баженов, Казаков, Старов. В начале XIX века следует отметить деятельность Захарова, строителя Адмиралтейства и Воронихина, строителя Казанского собора.

В конце XIX и начале XX века возникло особенно многостороннее пышное цветение русской культуры. И в области архитектуры появи-

*) Tamara Talbot Rice. „Russian Art“, 1949.

лись новые многообещающие таланты, но они не успели проявить себя во всей полноте, потому что большевистская революция прервала здоровое развитие русской духовной жизни.

Русский мессианизм и миссионизм

Вл. Соловьев говорит в статье «Идолы и идеалы», что у всех значительных народов возникает, обыкновенно, идеал национального мессианства, но этот идеал имеет положительное содержание лишь в том случае, если он имеет форму христианского универсализма.

В Московской Руси уже в начале XVI века национальное мессианство получило яркое выражение в идеологии псковского инок Филофея, согласно которой «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Третий Рим — Москва. Он писал об этом самому великому князю Василию III в годах 1514—1521. «В своих посланиях», говорит Милюков, «он особенно подчеркивает ту мысль, что политическое падение православных царств связано с их религиозною изменою и что политическое господство Москвы есть следствие ее религиозной непоколебимости».) В XIX веке мысль, что Россия будет иметь со временем руководящее влияние в жизни Европы и выработает высокую форму культуры высказывали основатель славянофильства Иван Васильевич Киреевский, Чаадаев, Н. Я. Данилевский. Достоевский в своей Пушкинской речи выразил эту мысль, ставя ее в связь с характером русского народа. Он говорил, что после реформы Петра Великого мы «дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая племенных различий». «Стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком». «Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силою братства и братского стремления нашего к воссоединению людей». «Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской ду-

*) П. Милюков. Очерки русской культуры, том III, Париж 1930, стр. 56.

ше, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону».

Возможно, что толчком к этим мыслям Достоевского послужила речь Вл. Соловьева «Три силы», сказанная им в 1877 году. Он говорил, что «три коренные силы» управляют человеческим развитием: первая сила, центристическая, ставит себе целью подчинить человечество одному верховному началу, уничтожая многообразие частных форм, подавив свободу личной жизни; вторая сила, центробежная, отвергает значение общих объединяющих начал. Результат исключительного действия первой силы был бы таков: «один господин и мертвая масса рабов»; наоборот, крайним выражением второй силы был бы «всеобщий эгоизм и анархия, множественность отдельных единиц без всякой внутренней связи»; третья сила, Божественная, «дает положительное содержание двум первым. освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала с свободною множественностью частных форм и элементов, созидает таким образом целость общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю тихую жизнь». «Третья сила может быть только откровением высшего Божественного мира, и тот народ, через который эта сила имеет проявиться, должен быть только посредником между человечеством и высшим миром, свободным сознательным орудием его. От народа, носителя третьей, Божественной силы, требуется только свобода от всякой ограниченности и односторонности, возвышение над узкими специальными интересами, требуется, чтобы он не утверждал себя с исключительной энергией в какой-нибудь частной низшей сфере деятельности и знания, требуется равнодушие ко всей этой жизни с ее мелкими интересами, всецелая вера в положительную действительность высшего мира и покорное к нему отношение. А эти свойства несомненно принадлежат племенному характеру Славянства, в особенности же национальному характеру русского народа». В самом деле, говорит Соловьев, идеал русского народа имеет религиозный характер, он выражен в идее «Святой Руси»; способность к сочетанию восточных начал с западными в русском народе исторически доказана успехами реформы Петра Великого; способность к национальному самоотречению, необходимая для признания Папы Римского верховным первосвященником Вселенской Церкви, присуща русскому народу, как это видно хотя бы из истории призвания варягов.*)

*) В. Соловьев. Великий спор и христианская политика.

Соловьев, вслед за Тютчевым, мечтал, что Россия станет всемирною христианскою монархией. Для этой цели, думал он, необходимо воссоединение Восточной Церкви, обладающей богатствами мистического созерцания, с Западною Церковью, создавшей независимую от государства сверхнародную духовную власть; сочетание такой воссоединенной Церкви с политической мощью государства, покоряющегося нравственной силе авторитета Церкви, положило бы основу вселенской теократии. В этой теократии духовная власть принадлежала бы Папе Римскому, а политическая — Русскому Императору.

В дальнейшем своем развитии Соловьев отказался от этой утопии, но в своей этике, в «Оправдании добра» он высказал такие глубокие мысли о нравственно правильном отношении народов и государств друг к другу, что их вполне уместно привести здесь. Они соответствуют духу русского народа и его миссии после преодоления большевизма. Как отдельные человеческие личности, так и целые нации стоят перед задачею гармонически восполнять друг друга, не утрачивая своего оригинального своеобразия, а, наоборот, выявляя его в предельной полноте. «Истинное единство народов», говорит Соловьев, «есть не однородность, а всенародность, т. е. взаимодействие и солидарность всех их для самостоятельной и полной жизни каждого» (гл. XIX). На этом пути осуществляется не отвлеченный общий человек марксистов, а конкретный всечеловек в том смысле, что каждый индивидуум в соборном единении с другими индивидуумами участвует во всей полноте и разнообразии жизни человечества. Такой идеал противоположен всенивелирующему и всеобедняющему интернационализму: это — супранационализм (согласно выражению классического филолога Фаддея Францевича Зелинского в одной из его статей, напечатанной в газете «Речь»), требующий не подавления, а развития национальных особенностей.

Соборное единение различных народов предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур. Как аромат ландыша, голубой свет и гармоничные звуки могут наполнять одно и то же пространство и сочетаться воедино, не утрачивая своей определенности, так и творения различных национальных культур могут проникать друг друга и образовать высшее единство.

Фактически мы встречаем на каждом шагу взаимную непроницаемость различных культур, холодную чуждость их друг другу и обособление. Этот факт подмечен Шпенглером и возведен им в ранг непродолимого закона. В действительности, однако, такая непроницаемость и отталкивание существуют лишь в той мере, поскольку нация не осуществляет своего идеального назначения, поскольку в ее творчестве есть искажение добра и воплощение отрицательных ценностей. Так

скрипач и пианист, исполняя сонату Бетховена, осуществляют гармоническое целостное единство, но если разойдутся, получается раздирающая ухо какофония отталкивающих друг друга звуков. Чтобы не было какофоний наций, необходимо, согласно учению Соловьева, применить заповедь Иисуса Христа «Люби ближнего, как самого себя» также и к общению наций: «Люби все другие народы, как свой собственный». Он поясняет, что это требование вовсе не означает психологической одинаковости чувства, а только этическое равенство волевого отношения: я должен так же хотеть истинного блага всем другим народам, как своему собственному; эта любовь благоволения одинакова уже потому, что истинное благо е д и н о и н е р а з д е л ь н о. Разумеется, такая этическая любовь связана и с психологическим пониманием и одобрением положительных особенностей всех чужих наций; преодолев нравственную волею бессмысленную и невежественную национальную вражду, мы начинаем знать и ценить чужие народности, они начинают нам н р а в и т ь с я». «Если такое отношение станет действительным правилом, то национальные различия сохранятся и даже усилятся, сделаются более яркими, а исчезнут только враждебные разделения и обиды, составляющие коренное препятствие для нравственной организации человечества».

Совместно творить гармоническое единство жизни, сверкающей богатыми красками различных культур, можно лишь в том случае, если мы будем сочувственно вживаться в чужие культуры, постигать их, как свою собственную, и таким образом воспитывать в себе способность восполнять друг друга своим творчеством.

Результатом сочувственного общения с чужими культурами должно быть не обезличение, а углубленное постижение также и своей родной культуры. Природная оригинальность и мощь народного характера обеспечивает ему сохранение своеобразного национального лица, в какую бы тесную связь с другими народами он ни вступал. Однако и у сильного народа есть отдельные слабые индивидуумы; мало того, как бы ни был могуч национальный характер, бывают в историческом процессе тяжелые годы внешних и внутренних потрясений, истощающих силы народа, и в такие периоды может развиться недоверие к себе и опасная подражательность. Поэтому в деле сохранения и развития национального своеобразия, кроме природной мощи народа, нужно еще содействие национального воспитания и образования. К сожалению, современная педагогика еще не выработала разумной системы национального воспитания. Обдумывая вопрос о такой системе, необходимо отдать себе отчет в том, что сущность национального характера и национальной культуры, как и все индивидуальное, не выразима в отвлеченных понятиях. Нация есть конкретное живое бытие. По поводу это-

го бытия можно высказать тысячи отвлеченных идей. Но сколько бы таких идей мы ни формулировали, каждая из них и все они в целом окажутся бледными, тощими, принципиально несоизмеримыми с жизнью полнотою национальной индивидуальности. Поэтому задача национального воспитания и образования не сводится лишь к тому, чтобы вырабатывать и усваивать характерные черты народа, выражимые в отвлеченных понятиях. Конечно, и их не следует упускать из виду, но главным средством воспитания должно быть интеллектуальное и эмоционально-волевое вживание в самую конкретную жизнь, в само конкретное содержание национального творчества, как оно выразилось в религии, в истории, в языке, в литературе, в искусстве, вообще культуре народа. Еще труднее, но также необходимо дополнять постижение индивидуальности своего народа еще и сочувственным вживанием в культуру других народов.

Кн. Е. Трубецкой, друг Вл. Соловьева, увлекался в своих ранних произведениях славянофильским преувеличением значения России и мечтал о Вселенской теократической империи, которую оснует Россия. Позже он, подобно Соловьеву, стал скромнее понимать миссию России. В своих «Вспоминаниях» он говорит: «Впоследствии я убедился, что в Новом Завете все народы, а не какой-либо один в отличие от других призваны быть богоносцами; горделивая мечта о России, как избранном народе Божиим, явно противоречащая определенным текстам Послания к Римлянам Апостола Павла, должна была быть оставлена, как не соответствующая духу Новозаветного Откровения» (стр. 69).

Соловьев в «Оправдании добра» приводит ряд примеров вселенской миссии многих народов, поскольку они в своем национальном творчестве воплощали сверхнациональные ценности и таким образом влияли на культуру других народов. В духе этих наблюдений мы, русские, можем сказать, что русская культура, подобно культуре других великих народов, уже осуществляла и будет, даст Бог, осуществлять свою миссию, благотворно влияя на развитие всего человечества. Влияние русской литературы и русской музыки есть положительный фактор в развитии общечеловеческой культуры. В политической жизни России первая проявила способность ограничить свой государственный суверенитет, когда в 1898 году Император Николай II предложил всем государствам выработать соглашение о решении споров международным судом, а не войною. Профессор Е. В. Спекторский написал брошюру «Принципы Европейской политики России в XIX и XX веках»,*) в которой приводит внушительный ряд фактов в пользу мысли, что в XIX

*) Изд. Русской Матицы, Любляна 1936.

и XX веке русская политика в Европе «была политика принципов в отличие от западно-европейской политики интересов» (стр. 12). Он доказывает рядом примеров, что «принципами европейской политики России были спасение погибающих, верность договорам и союзникам и солидарный мир» (13).

Русские эмигранты, рассеявшиеся по всему миру, после большевистской революции, продолжают осуществлять миссию России, поскольку знакомят другие народы с положительными сторонами русской культуры. Особенно важно то, что Западная Европа и Америка познакомились с православием; они стали понимать, что православие есть ценная форма христианской религии. Враждебные отношения между христианскими вероисповеданиями чрезвычайно компрометируют христианство. В наше время началось, к счастью, экуменическое движение, цель которого состоит в том, чтобы представители различных христианских вероисповеданий знакомились друг с другом, достигали все большего взаимного понимания и установили благожелательные отношения друг к другу. Видные деятели Русской православной церкви в эмиграции принимают участие в этом движении и проявляют при этом то свойство русского народа, которое Достоевский и Соловьев характеризуют, как всечеловечность и всепримирение. Основное условие для достижения этой цели в экуменическом движении есть освобождение от конфессиональной гордыни. Самый талантливый русский богослов нашего времени от. Сергей Булгаков (он умер в 1944 году) в своих «Автобиографических заметках» пишет: «Можно в некотором церковном надмении мнить себя, как всю полноту Церкви, но не может не оставаться глухого сознания, что это — не то...» (55).

Профессор Православного Богословского Института в Париже Л. А. Зандер в своей книге „*Vision and Action: the problems of ecumenism*“ сообщает, что от. Сергей Булгаков вернулся в мае 1927 года с Лозаннской конференции огорченный и разочарованный. Когда он начал говорить о почитании Божией Матери, председатель собрания не позволил ему продолжать речь на эту тему. «Говоря о протестантах, я спросил его: Но вы любите их, не правда-ли? Почему? Его ответ может показаться трюизмом, но он вложил в него такую силу убеждения и прозрения, что он показался мне как бы решением всей проблемы экуменизма. От. Сергей сказал: Потому что они христиане. Разве можно не любить христианина? быть равнодушным к лицу, связанному с Христом, служащему и носящему его имя? Главное затруднение здесь психологическое: видеть в нем христианина, несмотря на его еретические взгляды» (стр. 99). Спустя двадцать пять лет, пишет Зандер, установилась «новая атмосфера» в междуконфессиональных отношениях: «недоверие и подозрительность заменились искренностью и доброже-

лательством; вместо борьбы явилась взаимная помощь; вместо полемики желание узнать и понять» (20). В 1945 году в Париже после торжественной службы в Румынской православной церкви протестантский проповедник сказал, что лучшее взаимное понимание между католиками и протестантами возникло во Франции благодаря «Провиденциальному присутствию среди нас русских православных» (21). Такое влияние русского православия в эмиграции есть одна из миссий русского народа.

В своей книге об экуменизме Зандер высказывает следующие мысли о Церкви часто ссылаясь на труды от. Сергия Булгакова. Предмет веры стоит выше нашей способности познания. Поэтому он всегда превосходит все, что мы можем сказать о нем. «Говоря о Церкви и утверждая, что то или другое вероисповедание не принадлежит к ней, мы обыкновенно рассуждаем так, как если бы мы обладали исчерпывающим знанием о Церкви и могли обозреть, так сказать, ее в целом. В действительности же слова Символа веры о в е р е в Церковь напоминают, что наряду с видимыми и познаваемыми аспектами ее можно предполагать в ней такую реальность, которую в этом эоне мы способны видеть лишь отчасти». Поэтому вера в единство Церкви есть утверждение, что «Церковь едина, несмотря на внешние разделения» (128 с.). «В нашем богословском экуменизме, в наших совместных молитвах, в мистическом видении Христова образа друг в друге мы вместе как бы духовно возрастаем и таким образом возникает новый вид единства, не отменяющий наших разделений, но некоторым образом сосуществующий с ними. Этот конечный результат экуменизма может быть определен, как единство без соединения» (unity without union, стр. 217). Такое решение вопроса об экуменизме, именно дружеская совместная жизнь без утраты конкретного своеобразия каждого из вероисповеданий, соответствует словам Достоевского о «всечеловечной и всесоединяющей» русской душе. Правило Соловьева «люби все другие народы, как свой собственный» применено Зандером также и к взаимному отношению христианских вероисповеданий. Особенно приятно видеть, что предисловие к книге Зандера написал представитель Англиканской церкви епископ Чичестерский, приветствующий его книгу «от всего сердца».

В наше время пророчества о великой роли России осуществляют-ся, однако в очень печальной форме. Россия, превратившаяся в СССР после большевистской революции, приобрела огромное влияние на жизнь и политику всех народов. Правители ее задались целью создать единую организацию всего человечества. Однако идеология и практика их прямо противоположны идеалу Достоевского и его представлениям о характере русского народа. Получается также впечатление, что

характер русского народа, терпящего в течение тридцати семи лет большевистский деспотический режим, прямо противоположен тому, как он изображен в предыдущих главах этой книги. В самом деле, идеология коммунистической партии, руководящей всею общественною и государственною жизнью СССР, есть атеистический материализм, а не христианская религиозность. Достоевский говорит о всечеловечности русских, т. е. о способности, присматриваясь к противоположным стремлениям европейских народов, открывать в составе их аспект положительной ценности и таким образом достигать всепримирения. Советские коммунисты, наоборот, проповедают самое бедное по содержанию, самое узкое миропонимание, отрицая все ценности, поднимающие дух выше земных интересов. Они ищут не абсолютного добра Царствия Божия, а относительного добра земного материального благополучия, т. е. благополучия мещанского, столь призываемого Достоевским и всею дореволюционною интеллигенциею. Ценность свободы и необходимо связанная с нею ценность индивидуального своеобразия личности, требующая свободного исследования истины, свободы совести, свободы мысли, политической свободы, — все это решительно отвергнуто советскими коммунистами. Выработав тоталитарное государство, они стремятся свести всю жизнь каждого человека к задаче служения коллективу. Абсолютная ценность личности в ее индивидуальном своеобразии при этом решительно отрицается.

Практика, соответствующая такой идеологии, состоит в борьбе с религиею, в подавлении свободы не только в политической жизни, но даже и в области науки и всех видов искусства. В борьбе государства против всего, что не соответствует требованиям правительства, все средства хороши, «все позволено», самые изощренные виды пытки, смертные казни, устранение нежелательных лиц путем отравы, применение таких ядов, которые ведут к разобщению между я человека и подчиненными ему высшими центрами мозга, вследствие чего возможно, что центры речи и письма произносят и пишут «сознания» в несовершенных преступлениях (так может объяснить эти явления философ, признающий свободу воли). Служители государства, особенно агенты тайной политической полиции, подбираются преимущественно из числа крайне жестоких людей, близких к садизму и душевной ненормальности. В отношении к другим государствам ставится задача объединения их в одно целое не братски, не путем свободных соглашений, а путем завоевания, для чего создается грандиозная армия и военная промышленность. И все это делается ради счастья человечества в будущем, когда сполна осуществится коммунизм. Вселенская организация человечества, которую они хотят создать, была бы не теократиею, а сатанократиею.

Перечисленные свойства строя и поведения правителей Советской России не служат доказательством того, что основные господствующие черты характера русского народа изображены в предыдущих главах неправильно. Главный организатор большевистской партии, Ленин, был настоящий русский интеллигент, объединивший вокруг себя таких же, как он, интеллигентов. Я не включаю, конечно, Сталина в это число: Сталин был просто честолюбец и властолюбец, вошедший в партию в расчете сделать карьеру в революционном движении, что ему и удалось. Настоящие сподвижники Ленина были искателями максимального добра для всего человечества. Но добро это они понимают не как абсолютное совершенство Царства Божия, состоящего из личностей, которые, следуя воле Божией, творят лишь абсолютные ценности добра и красоты, что возможно только для существ, имеющих преобразенные тела и потому свободных от физиологических потребностей. Такой идеал они решительно отвергают. Наука, по их мнению, доказала вполне достоверно, что Бога нет, что материализм есть единственно правильное миропонимание; отсюда следует, что индивидуального личного бессмертия нет, личность человека возникает во времени вместе с рождением тела и исчезает при разложении тела. Отсюда далее следует, что счастье человечества достигается просто путем обеспечения земных материальных благ, и эта цель будет осуществлена при коммунистическом строе: материальные блага будут при этом строе производиться в таком изобилии, что всякий человек станет получать их в размере, соответствующем его потребностям.

Будучи сторонниками марксизма, советские коммунисты считают экономические производственные отношения основным явлением общественной жизни, от которого зависят остальные стороны ее — политические формы, религия, философия, искусство. Исторический процесс они понимают, как следствие развития производительных сил и производственных отношений, с которыми связана борьба классов. Согласно этому учению, христианская религия с ее учением о блаженстве человека в потустороннем Царстве Божием есть выдумка привилегированных классов общества, имеющая целью ослабить борьбу эксплуатируемых ими подчиненных классов, утешая их надеждою на получение награды за их терпение после смерти: религия есть «опиум для народа». Отсюда у коммунистов возникает не только отрицание религии, но и свирепая ненависть к ней, старание всеми средствами, даже и самыми жестокими, разрушить Церковь и вытравить религиозность из души человека.

На первый взгляд перечисленные черты миропонимания и практики советского коммунизма кажутся чем-то сполна чуждым душе русского народа, каким-то чужеродным явлением, вторгнувшимся из

вне в русскую жизнь. На деле это не так. Русскому народу свойственно искание добра для всего человечества, искание смысла жизни и связанная с этими интересами христианская религиозность, воплощающая в себе идеал жизни. У образованного русского этот идеал выражается не только в традиционной религиозности, но и в стремлении осознать ее путем выработки определенного миропонимания. В основе большевизма некоторые стороны этих свойств русского народа сохраняются. Подлинные коммунисты, большевики типа Ленина задаются целью осуществить максимальное доступное человечеству благо; они ищут смысла жизни и руководятся в своем поведении идеалом, который выражен у них в строго выработанном миропонимании. Этот идеал их и миропонимание противоположны религии, как связи человека с Богом; но, отвергнув Бога и абсолютные ценности Царства Божия, они абсолютируют относительные ценности земного бытия и служат им с таким же почитанием, с каким религиозный человек относится к Богу и правде Божией. Таким образом служение идеалу коммунизма и построению общественной жизни на основе науки без Бога было для Ленина и его сподвижников своего рода религиею. Писания Маркса и Энгельса играли в их мышлении и поведении такую же роль, как Священное Писание в жизни христианина. Комическое впечатление производят многие книги и статьи их, в которых доказательством правильности их теории и практики служит не ссылка на опыт, а цитаты из Маркса и Энгельса, как христианский начетчик доказывает мысль выдержками из Священного Писания.

Религиозные ценности, будучи наивысшими в системе ценностей, вызывают в человеке, искренне живущем ими, наиболее сильные чувства и волевые стремления. Они легко могут привести к фанатизму, откуда возникает ненависть к инакомыслящим и суровая борьба против них. У христианина самое содержание его религии, требующей любви к ближнему, даже и ко врагу, служит до некоторой степени средством обуздания его вражды к противникам. У коммуниста-большевика таких сдерживающих его фанатизм мотивов поведения нет. Наоборот, самое содержание его псевдорелигии побуждает дать волю своей ненависти и оправдывает жестокие меры в борьбе с противниками. В самом деле, индивидуальное личное я человека не имеет для него абсолютной ценности; отрицая свободу воли, он думает, что представители классов, принадлежащих к верхам капиталистического строя или служащих защитой его, промышленники, помещики, купцы, полиция, офицеры, духовенство, по складу своей душевной жизни не способны быть членами коммунистического общества; поэтому они должны быть физически уничтожены. В главе о «Чувстве и воле» было указано на склонность русского человека к максимализму

и экстремизму. Сочетание этих двух свойств русского народа с псевдорелигиею большевизма, с узостью и бедностью атеистического исторического материализма служит объяснением того, почему большевистская революция приобрела характер небывало жестокого истребления всех лиц, подозреваемых во вражде к коммунизму, и необычайной систематичности тоталитарного строя, подавляющего свободу во всех областях культуры. Итак, именно характер русского человека при утрате им подлинной религии и замене ее псевдорелигиею создал ужасы большевистской революции и потому нам с сокрушением приходится признать, что особенности этой революции суть порождение русского духа. Мы не имеем права сваливать вину на какие-то посторонние русскому народу влияния. Высокие достоинства русского народа при извращении их дают особенно возмутительное зло: *corruptio optimi pessima* (порча наилучшего дает наихудшее).

К счастью однако, высшие положительные свойства русского народа, его религиозность, искание абсолютного добра, чуткость к искажениям добра злом и способность к высшим формам опыта, составляют основное содержание русской души, которое не может быть выправлено сорокалетним господством Советского режима. Сведения, доходящие до нас из СССР, убеждают в том, что перечисленные основные добрые свойства русского народа сохраняются в нем и потому можно надеяться, что после падения Советского режима, христианские основы русской культуры возродятся. Тогда миссия русского народа, о которой говорили Достоевский и Вл. Соловьев, будет успешно осуществляться в жизни человечества.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Недостаток средней области культуры

Бердяев часто говорит о том, что русские не интересуются среднею областью культуры: русские люди максималисты, им нужно «или все, или ничего». Поэтому материальная культура стоит в России на низком уровне развития. Русский народ до сих пор не овладел грандиозною территориею своего государства так, как это сделали, напр., американцы в Соединенных Штатах. Правда, некоторым извинением этого недостатка могут служить большие трудности овладения природою в стране с таким климатом, как в значительной части России, где, напр., в Сибири огромные пространства мало пригодны для культуры вследствие вечной мерзлоты. Но даже и в Европейской России в местах, благоприятных для жизни, очень мало позаботился русский народ об удобствах для удовлетворения повседневных нужд. В России, напр., очень мало хороших дорог; сельское население пользуется большею частью крайне неудобными проселочными дорогами. Особенно поражает грязь и беспорядочность деревенских улиц. Летом в бездождное время, когда дорога вне деревни вполне суха, очень часто внутри деревни она покрыта никогда не просыхающими грязными лужами. Проезжая через такую деревню, с удивлением думаешь, как возможно, чтобы обитатели деревни не соединились и общими усилиями не вымостили улицу, по которой они ежедневно должны ездить и ходить. Ответом на этот вопрос может служить рассказ Глеба Успенского, в очерке «Общий взгляд на крестьянскую жизнь» (в серии рассказов «Крестьянин и крестьянский труд»). Успенский жил летом в Новгородской губернии в деревне, главным доходом которой была продажа сена с их лугов. Летом вывезти сено в город было невозможно, потому что дорога пролежала через болото и по ней нельзя было провезти тяжелый воз с сеном. Кулаки, пользуясь нуждою крестьян, скупали у них сено по пять—десять копеек за пуд и потом про-

давали его по тридцать копеек и более. Болото тянулось на протяжении одной четверти версты. Двадцать шесть дворов, из которых состояла деревня, могли бы засыпать болото на дороге, потратив на эту работу два воскресенья. Крестьянин Ермолаич, которому Успенский говорил о том, как легко жители деревни могли бы улучшить свое положение, исправив дорогу, ответил на это. «Захотели вы с нашим народом! Нешто наш народ присогласишь?»

Бедность, угнетающая русский народ, особенно крестьян и сельское духовенство, есть следствие многих условий, длительного крепостного права, общинного строя крестьян, малого плодородия почвы во многих губерниях, большой затраты сил государства на защиту от внешних врагов и т. п. Но, кроме перечисленных условий, бедность в значительной степени есть следствие малого интереса народа к материальной культуре. Беспечность русского человека выражается в нередко слышимых «авось», «небось», «ничего». И. А. Ильин говорит в своей книге «Сущность и своеобразие русской культуры», что русский человек, обыкновенно, преодолевает затруднения не путем дальновидного расчета и по заранее выработанному плану, а посредством импровизации в последнюю минуту (56).

Воля и мышление русского народа не дисциплинированы; характер русского человека, обыкновенно, не имеет строго выработанного содержания и формы. Легра в книге „L'âme russe“ отмечает часто встречающуюся у русских людей резкую и неожиданную смену чувств и интересов. Поэтому, замечает он, русские, дав обещание, часто не исполняют его (262).

Милюков говорит, что «такие наблюдатели и судьи, как Белинский и Достоевский, признали в конце концов самой коренной чертой русского национального характера — способность усваивать всевозможные черты любого национального типа. Другими словами, наиболее выдающейся чертой русского народного склада оказалась полная неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального обличья. За границей нередко можно натолкнуться на косвенное подтверждение этого вывода. В наших соотечественниках часто узнают русских только потому, что не могут заметить в них никаких резких национальных особенностей, которые бы обличали француза, англичанина, немца и вообще представителя какой либо культурной нации Европы».*)

Имея в виду невыработанность характера, князь Мышкин в романе «Идиот» говорит: «У меня жеста приличного, чувства меры нет»,

*) Очерки русской культуры, т. II. Введение, стр. 7.

и Достоевский самого себя характеризует так же: «Формы; жеста не имею» (Письма, № 269, 8 мая 1867 г.).

Отсюда становятся понятными крайности отрицания, до которых способны доходить русские люди. Вспомним, напр., Писарева, о котором будет речь в главе о нигилизме, или Льва Толстого, который, придя к крайнему морализму, стал отрицать все духовные ценности, не служащие непосредственно целям морали. Науку он считал порождением праздного любопытства за исключением тех отделов ее, которые полезны для нравственности человека. Искусство он стал допускать лишь такое, которое служит популярному нравственному поучению, доступному даже и совсем необразованным людям. Музыку он любил и, когда к нему приезжал пианист Гольденвейзер, он с наслаждением слушал его игру. Однако в последнем периоде своей жизни, слушая исполнение им сонаты Бетховена, он сказал: «Как я испорчен! До сих пор эта музыка действует на меня» (об этом рассказывает Л. Сабанеев в своих очерках «Мои встречи»). Право, государство Толстой стал считать организованным насилием, имеющим целью защищать своекорыстные, порочные стремления. Любовь к отечеству он характеризует, как нечто «отвратительное и жалкое». Все догматы и обряды религии, кроме морали, он начал решительно отвергать.

Не дорожа среднею областью культуры, русский человек способен проповедовать и действительно совершать изумительные разрушения осуществленных уже культурных ценностей, как это можно было наблюдать, напр., в начале большевистской революции, когда крестьяне, матросы и солдаты избивали породистый скот в имениях помещиков, вырубали великолепные фруктовые сады, сжигали или коверкали ценную мебель. Михаилу Бакунину принадлежит замечательное изречение: «Страсть к разрушению есть творческая страсть». Степун в своей книге «Прошедшее и непреходящее» говорит, что в душе русского человека есть склонность все разрушать до дна и тогда создавать новое, светлое.

Невыработанность характера русских людей служит объяснением тому, что С. Г. Пушкирев характеризует, как чрезвычайно большой диапазон добра и зла в истории русского народа: с одной стороны, вершины святости, с другой стороны — сатанинское зло. От. Георгий Флоровский в своей книге «Пути русского богословия» говорит: «История русской культуры, вся она в перебоях, в приступах, в отречениях или увлечениях, в разочарованиях, изменах, разрывах. Всего меньше в ней непосредственной цельности». «Нам внятно все — и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений»... «Этот дар всемирной отзывчивости, во всяком случае, роковой и двусмысленный

дар. Повышенная чуткость и отзывчивость очень затрудняет творческое собирание души».*)

Думая об этой незаконченности и неопределенности русского характера, Достоевский объясняет ее тем, что «русские слишком богато и многосторонне одарены, чтобы скоро приискать себе приличную форму» (роман «Игрок»). Достоевский прав: четкая форма появляется там, где началась специализация, где из многих возможностей избрана одна определенная и на ней сосредоточены все силы, так что в одной, сравнительно ограниченной области получается высокая степень развития, но при этом остальные способности отмирают, многосторонность молодости исчезает, наступает возмужалость и старость. Таковы Западные европейцы; они — старики. Наоборот, «мы, русские, — говорит Достоевский, — народ молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет; но большому кораблю большое и плавание» (Дневник писателя, 1876 г., февр.).

Недостаток внимания к средней области культуры, какие бы оправдывающие обстоятельства мы ни находили, есть все же отрицательная сторона русской жизни. В царстве грешных существ, к которому мы принадлежим, высшие духовные деятельности в высокой степени зависят от правильного удовлетворения низших потребностей, от телесного здоровья, питания, защиты от холода и т. п. условий, требующих совершенствования материальной культуры.**)

Работая над всеми областями культуры, и в то же время имея в виду абсолютное добро Царства Божия, как конечную цель, человек гармонически развивает свой характер и всесторонне дисциплинирует волю. И. А. Ильин говорит в своей книге о русской культуре, что русскому народу необходимо дисциплинировать волю и мышление; без этой дисциплины русский человек легко становится беспомощным мечтателем, анархистом, авантюристом, прожигателем жизни, хотя и сохраняет при этом свое добродушие (стр. 62). Также и Бердяев, говоря о русской идее, подчеркивает, как задачу, стоящую перед русским человеком, необходимость выработать дисциплину воли и чувства.

*) Глава IX. Разрывы и связи, стр. 500.

**) О зависимости высших деятельностей от низших в нашем царстве бытия, как драме нашей нравственно несовершенной жизни. См. мою книгу «Условия абсолютного добра», особенно главу «Нормальная сила духа».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Старообрядчество

Раскол, возникший во второй половине XVII века, представляет собою мучительную драму в истории Русской православной церкви. Историки следующим образом описывают условия, воспитавшие в русском народе настроения, которые привели к расколу. Византия приняла в 1439 году Флорентийскую унию с Римско-Католическою церковью. Московское государство резко отвергло эту унию, считая ее изменою Православию. В 1453 году Константинополь был завоеван турками, и это несчастье рассматривалось русскими, как наказание Бежие, посланное грекам за измену Православию. В XV веке был приглашен в Москву с Афона ученый монах Максим Грек (1480—1556) для переводов церковных книг с греческого языка. Он заметил ошибки в переводах богослужебных книг. Порча этих книг с течением времени возрастала еще и вследствие ошибок, делаемых необразованными писцами. Когда Максим Грек указал на недостатки церковных книг, его обвинили в том, что он «порочит русских святых чудотворцев, спасавшихся по старым книгам». Его заключили в тюрьму и только в конце его жизни позволили ему поселиться в Троице-Сергиевской лавре.

Ключевский говорит: в Московском государстве явилась мысль, что «русская поместная церковь обладает всею полнотою вселенского сознания»; для спасения «нечему больше учиться»; «на место вселенского сознания мерилом христианской истины стала национальная церковная старина». Упрочилось убеждение в том, что молиться и веровать надо так, как молились отцы и деды; церковные обряды стали неизменною святынею. Явилось «подозрительное и надменное отношение к участию разума в вопросах веры».*)

Иерархи греческой церкви, приезжавшие после падения Визан-

*) Ключевский. Курс русской истории, т. III, лекция 54.

тии в Московское государство «за милостынею», заметили разницу в обрядах, появившуюся в русской церкви. Русское духовенство объяснило эту разницу тем, что «греческая вера под игом поганных испортилась». Но когда патриарх Никон сам нашел ошибки в переводах с греческого языка, он признал необходимость исправления церковных книг. Для этой цели были приглашены из Киева ученые монахи Епифаний Славинецкий и Арсений Сатанов, а также греки Дионисий и Арсений. В Москве, однако, относились к киевским ученым монахам с недоверием, считая, что они находятся под влиянием «латинства». При таком устроении не удивительно, что явились противники исправления книг. В Москве сторонниками сохранения старины были влиятельные протопопы Вонифатьев, Иван Неронов, Аввакум. Протопоп Аввакум говорил: «Всё, святыми отцами церкви преданное, свято и непорочно»; «до нас положено, лежи оно так во веки веков»; не русским надо учиться у греков, а грекам у русских. Исправление книг и изменение обряда в соответствии с обрядом греческой церкви времени Никона, напр., трехперстное крестное знамение вместо двуперстного, троеие аллилуии вместо сугубой аллилуии и т. п., не затрагивали никаких догматов Церкви. Но противники новшеств, ослепляемые ненавистью к ним, истолковывали некоторые из них так, чтобы получилось обвинение в ереси. Напр., в старых книгах писалось «Господь Иисус Христос»; в исправленных книгах введено было правописание, более близкое к греческому языку: «Господь Иисус Христос». Сторонники старины истолковали это правописание так, будто оно означает: «Господь и Иисус Христос». Это значит, говорили они, что церковь никониан отлучила Господа от Христа, следовательно, впала в ересь.

Когда в 1658 году властолюбивый патриарх Никон поссорился с царем Алексеем Михайловичем и отошел от дел, сохраняя однако за собою титул патриарха, противники обрядовых и книжных новшеств подняли голову и стали тем более энергично отстаивать свою правоту. В 1666 году состоялся церковный собор с участием восточных патриархов. На этом соборе патриарх Никон был низложен, но произведенные при нем изменения обряда и исправление книг были одобрены. Мало того, старообрядцы были преданы анафеме, как еретики, хотя никакой ереси они не проповедовали. Так возник тягостный раскол в русской православной церкви, тем более печальный, что в старообрядчество ушли глубоко религиозные люди. Н. И. Костомаров говорит, что откололись от Церкви люди, мыслявшие о религиозных вопросах, самостоятельно критиковавшие приказы, идущие сверху; началом этого движения было несогласие с новшествами патриарха Никона,

а потом в среде его сторонников началось мышление о религии вообще, о Церкви и государстве.

Патриарх Никон понимал, что различие обряда не имеет существенного значения. В конце своего патриаршего служения, говоря о старых и новоисправленных книгах, он сказал протопопу Ивану Неронову, покорившемуся нововведениям церковной власти: «и те, и другие (книги) добры; все равно, по коим хочешь, по тем и служишь». Отсюда видно, что мотивом борьбы со старообрядцами была не столько приверженность к новому обряду, сколько требование повиноваться верховным властям. Преследования старообрядцев тем более возросли, когда среди них стало распространяться убеждение, что и церковь, и царская власть подпали влиянию антихриста; Петра Великого они уже определенно стали считать антихристом.

Уходя от преследований, старообрядцы стали устраивать скиты в лесистых, трудно доступных местностях, напр., за Волгою, но и там государственные власти настигали и притесняли их. Чтобы избежать «печати антихриста», фанатики старообрядчества стали прибегать к самосожжению: «если в огонь, тут и все покаяние. Ни трудись, ни постись, разом в рай вселишь. Все-то грехи очистит огонь». В некоторых «гарях» две с половиною тысячи человек сжигали себя.

Старообрядчество заслуживает внимания, как одно из проявлений основных свойств характера русского народа. В нем выразилась глубокая религиозность в сочетании с силою чувства и воли, ведущими к поразительному фанатизму и экстремизму. Свобода духа, борющегося за свои наиболее интимные убеждения, несмотря на всевозможные преследования властей, заслуживает глубокого уважения. К этим свойствам русского характера нужно присоединить еще следующее. Любовь к красоте в природе и в человеческой жизни, особенно в области религиозного культа, естественно ведет к тому, что русский человек дорожит конкретным целым культа, а не теми только сторонами его, которые выразимы в отвлеченных понятиях и догматах. Отсюда получается крайний консерватизм религиозного культа, требование, чтобы в богослужении, во всем культе и всех религиозных обычаях и приемах все повторялось во всех конкретных деталях сегодня так же, как оно было в прошлом. Все детали обряда и даже обычаев приобретают значение, чуть ли не равное догматическим основам религии. В этом смысле все русские православные похожи на старообрядцев. В эмигрантской жизни после большевистской революции случается, напр., наблюдать, как некоторые русские не ходят в ту церковь, в которой служит священник, бреющий бороду. В Прагу приехал однажды видный иерарх сербской церкви митрополит Досифей. В собрании, на котором он произнес прекрасную речь, проникнутую любовью к Рос-

сии и ее культуре, слушатели заметили, что в широких рукавах его одежды внутри подкладка была красная. При жестах его вид черного рукава с красною подкладкою был эффектный. Нашлись в этом собрании лица, которые с возмущением осуждали такое одеяние потому, что такого типа одежда принята у католических иерархов. К области этого же крайнего консерватизма относится упорное нежелание перейти в церковной жизни от юлианского к грегорианскому календарю.

Не только культ, но и весь быт старообрядцев отличается консерватизмом и изоляционизмом в отношении ко всем не старообрядцам. Правило их поведения такое: «с бритоусом, с табачником, щепотником и со всяким скобленным рылом не молись, не водись, не дружись, не бранись».*) Они не пьют и не курят, не бреют бороды и усов, едят из своей посуды, не давая ее не старообрядцам. Чистота у них в доме образцовая. Дома они строят себе особенно прочные, крепкие. И сами они, благодаря строгой воздержной жизни, отличаются крепостью, силою и здоровьем. Многие из них занимались торговлею и были зажиточными. В Москве многие очень богатые купцы и промышленники были старообрядцами.

Отрыв от великого целого Православной церкви привел, однако, к обеднению религиозной жизни. Очень скоро перед старообрядцами стала трудная задача обеспечить правильное богослужение достаточным количеством священников. Не имея епископов, они принуждены были принимать в свою среду «беглых попов», ушедших по какой-либо причине из никонианской церкви. Это был уже компромисс. Не все старообрядцы соглашались принимать таких священников. Отсюда возникло разделение их на поповцев и беспоповцев.

В поповщине сохранилось учение о иерархии и семи таинствах. В XIX веке поповцам удалось даже приобрести своих епископов. Они нашли в Константинополе епископа Амвросия, который лишился своей епархии в Боснии по требованию турецкого правительства. Он был приглашен старообрядцами в 1846 году в Белую Криницу в Буковине и там рукоположил себе преемника. Часть поповцев была удовлетворена тем, что у них появились свои епископы.

Беспоповщина, состоящая из старообрядцев, не идущих на компромисс принятия «беглых попов» и крепко держащаяся мысли, что никонианская церковь подпала антихристу, пришла к мысли, что правильного священства больше нет. Поэтому беспоповцы утратили литургию и таинства, за исключением крещения и покаяния, возможных без участия священников. Культ свелся только к молитве. Они разбились на множество групп, держащихся различных учений. Шапов в первом

*) См. Мельников-Печерский. В лесах, ч. I, гл. 1.

томе своей книги «Русский раскол старообрядства» говорит: у них «что мужик, то — вера; что баба — то толк» (174). Изоляционизм у некоторых толков доходит, как сообщает С. Максимов, до того, что у каждого имеется «своя икона за пазухой».*)

В старообрядческих скитах, как впрочем, и в некоторых православных и католических монастырях, наряду со строгою жизнью аскетов подвижников встречаются и лица, нарушающие все обеты монашества и ведущие очень грешную жизнь. Старообрядец Патап Максимыч Чапурин, одно из главных лиц романа Мельникова-Печерского «В лесах», говорит: «В скитах грех со спáсеньем по-соседски живут».

Мало того, в скитах гнездятся иногда и преступники, совершающие убийства, грабежи и насилия. Эти печальные явления расследовал Салтыков-Щедрин в то время, когда он, служа при Вятском губернаторе, исполнял поручение обследовать быт старообрядцев. «Под видом иноков и иноконь, послушников и послушниц, — говорит Щедрин, — в скитах скрывалось много беглых уголовных преступников, всякого рода бродяг и святош-проходимцев, людей с темным прошлым; среди пустынножителей процветали пьянство и разврат».**)

О преступлениях в скитах вблизи Урала рассказывает также Мамин-Сибиряк в повести «Три конца».

Многие миллионы глубоко религиозных русских людей, дорожа привычною им формою культа, откололись от Православной церкви и вместо сохранения старого обряда получили оскудение его или, среди беспоповцев, даже утрату его. Таким образом, раскол в Православной церкви есть печальная драма русской религиозной жизни.***)

*) С. Максимов. Бродячая Русь, стр. 364.

**) С. Макашин. Салтыков-Щедрин. Том I, 2 изд. Москва 1951. Следствие о раскольниках, 354.

***) См. о старообрядчестве Милюкова «Очерки русской культуры», том II, главы III, IV, V.

Нигилизм. Хулиганство

1. Нигилизм.

Слово нигилизм не в старом богословском, а в публицистическом смысле употребил впервые в русской литературе Николай Иванович Надеждин (1804 — 1856) в статье «Сонмище нигилистов» в журнале «Вестник Европы» в 1829 г., когда редактором его был Каченовский. Надеждин имел в виду в этой статье новые течения в литературе и философии в его время. Слово нигилизм было подхвачено русским обществом и получило широкое распространение после того, как в романе «Отцы и дети» Тургенева Базаров был назван нигилистом.

В литературе самым ярким и талантливым представителем нигилизма был Димитрий Иванович Писарев (1840 — 1868). Поэтому стоит обстоятельно познакомиться с его характером и идеологиею. Писарев родился в дворянской помещичьей семье. Жизнь его в первые шестнадцать лет до поступления в университет чрезвычайно обстоятельно исследовала Е. Казанович, ученица С. Ф. Платонова*). Казанович подробно сообщает о том, как мать Писарева заботилась о воспитании и образовании своего сына. В самом раннем детстве он уже хорошо говорил по-французски, а потом и по-немецки. Следующий рассказ дает живое представление о воспитанности Писарева. Когда ему было четыре года в имение Писаревых приехал утром с визитом гвардейский полковник К. Взрослые все исчезли, чтобы одеться прилично. Гостя встретил маленький Писарев и сказал ему: „*Mon colonel, mille excuses: papa va revenir dans un instant*“. Полковник впоследствии рассказывал: «Не то удивило меня, что ребенок прекрасно болтает по-французски; весь вид его, вся его маленькая фигура, то досто-

*) Е. Казанович. Д. И. Писарев. Петроград, 1922.

инство и выражение в лице и глазах, с которыми он вел со мною беседу, та непринужденность и смысл, который он влагал в свою детскую речь, — вот что меня в ребенке этом поражало и изумляло» (стр. 63).^{*} Очень рано проявилась литературная одаренность Писарева. Семи лет он пытался сочинять роман, восьми лет написал сказку «Ромалион». С десятилетнего возраста он стал писать дневник на французском языке.

В течении всей своей жизни Писарев отличался изяществом манер, умением держать себя с достоинством, отсутствием грубости, вульгарности. Ему свойственна была честность и прямота; он был добр, доверчив, непрактичен. В его характере была патологическая черта: периоды возбужденности сменялись периодами угнетенности; при увлечении новою мыслью он проявлял болтливость и назойливость (22 с.).

В возрасте шестнадцати лет Писарев поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. П. Полевой в своих «Воспоминаниях о Д. И. Писареве» рассказывает, что на лекциях по греческой литературе профессор спрашивал, кто из студентов хочет перевести заданный на этот день текст «Одиссеи». На этот вызов всегда откликнулся Писарев и отлично переводил «Одиссею» без подготовки. Полевому это сначала не понравилось, он подумал, что Писарев — выскочка, но потом он узнал, что Писарев делает это по просьбе товарищей, плохо занимавшихся греческим языком. В это время Писарев был очень религиозен и принадлежал к кружку религиозных студентов, давших, между прочим, обет девственности на всю жизнь.*)

Летом 1859 года Писарев пережил глубокий духовный кризис. По-видимому, он утратил в это время религиозные верования и стал сторонником материализма. «Осенью 1859 года», пишет он, «я приехал с каникул в каком-то восторженном состоянии. Опрокинув в уме своем всякие Казбеки и Монбланы, я представлялся самому себе каким-то титаном, Прометеем, похитившим священный огонь». Он страстно принялся за работу над вопросом о греческом понятии с у д ь б ы, переутомился и впал в состояние апатии, закончившееся душевною болезнью, от которой он лечился четыре месяца в больнице доктора Штейна. Во время болезни он пытался совершить самоубийство. Он воображал, что его «измучают, убьют или живого зароят в землю. Скептицизм мой вышел из границ и начал отрицать существование дня и ночи». «Даже свет и темнота, луна и солнце на небе казались мне де-

^{*}) См. И. Лашин. „La phénoménologie de la conscience religieuse dans la littérature russe“. Изд. Свободного Русского Университета в Праге, № 35, стр. 25—28.

корациями и входили в состав общей громадной мистификации».*) Выздоровев, Писарев окончил курс университета и с весны 1861 года стал работать в журнале «Русское слово».

В 1862 году барон Фиркс по поручению правительства написал под псевдонимом Шедо-Ферроти брошюру против деятельности Герцена. Писарев, раздраженный в это время такими действиями правительства, как запрещение «Русского слова», закрытие воскресных школ и народных читален, написал статью в защиту Герцена и говорил в ней о необходимости революции и свержения династии Романовых. Статья эта печаталась в подпольной типографии и найдена была полицией раньше, чем получила распространение в обществе. Писарев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где просидел четыре года. В ноябре 1866 г. он был освобожден и отдан на поруки матери. Большую часть своих статей, имевших большое влияние в русском обществе, он написал, находясь в Петропавловской крепости.

Вскоре после освобождения Писарев стал переживать глубокий упадок сил. В письме к Тургеневу он сообщает ему: «Вся моя нервная система потрясена переходом к свободе»; «вы видите сами, как нескладно написано это письмо и как дрожит моя рука». Летом 1868 г. он поехал на морские купанья в Дубельн близ Риги и 4 июля, купаясь, утонул. Благосветлов, редактор журнала «Дело», где сотрудничал Писарев, писал Н. В. Шелгунову 10-го июля: «Писарев утонул, т. е. утопился в душевно-расстроенном состоянии». Шелгунов приводит эти слова Благосветлова в своих «Воспоминаниях» и приоавляет: «Действительно ли Писарев утопился в душевно-расстроенном состоянии, или это была только догадка Благосветлова, я не знаю».**)

Получив свободу после четырехлетнего одиночного заключения, Писарев, склонный увлекаться новыми впечатлениями и вступивший в общение со своею любимою матерью (одно из важнейших своих сочинений, «Реалисты», он посвятил своей матери, как лучшему другу), женщиною религиозною, вероятно, второй раз в жизни переживал глубокий духовный кризис, закончившийся болезнью, как это видно из его письма к Тургеневу. В статье «Борьба за жизнь», написанной в это время в 1867 г. он описывает душевное состояние меланхолика. «Тот вид помещательства, который называется меланхолиею, состоит

*) См. Л. Плоткин. Д. И. Писарев. Ленинград 1940. Говоря об умственном кризисе Писарева, Плоткин ни слова не упоминает о его религиозности в начале университетской жизни. Такие умолчания и даже выключения из текста писателей, напр., из воспоминаний Тургенева, отрывков, касающихся религиозной жизни, очень часто встречаются в большевистской литературе. Поэтому ею приходится пользоваться с большою осторожностью.

**) Шелгунов. Сочинения, т. II, стр. 698.

главным образом в том, что больной видит со всех сторон угрожающие ему опасности и испытывает постоянно ощущение смертельного страха. Меланхолики постоянно ищут смерти и стараются извести себя какими бы то ни было средствами именно потому, что они постоянно боятся за свою жизнь, и это хроническое чувство страха действительно составляет для человека самую невыносимую из всех возможных пыток». Без сомнения, он описывает свой собственный душевный опыт, пережитый в 1859 году, когда он пытался совершить самоубийство, и, может быть, повторившийся во время упадка сил после освобождения из крепости. Если Писарев в это время опять заболел меланхолией, то сообщение Благосветлова о том, что он совершил самоубийство, становится правдоподобным. Если бы талантливый Писарев не погиб в возрасте двадцати шести лет, возможно, что он после второго духовного кризиса освободился бы от материализма и обогатил бы русскую литературу более значительными произведениями, чем все написанное им в крепости.

Писарев был публицистом, популяризатором научных трудов по естествознанию и литературным критиком. Он был сторонником материализма в той грубой форме, какая в его время была представлена в трудах Молешотта, Карла Фохта, Людвига Бюхнера. В статье «Физиологические эскизы Молешотта» он сочувственно излагает рассуждения Молешотта о том, что душевная жизнь человека зависит главным образом от пищи. «Можно выразить смелое предположение, — пишет он, — что разнообразие пищи, ведущее за собою разнообразие составных частей крови, служит основанием разносторонности ума и гармонического равновесия между разнородными силами и стремлениями характера». Европейцы пользуются крайним разнообразием пищи, растительной и мясной. «Поэтому в европейце нет той дикости, которая характеризует собою племена звероловов; нет и той сонливости, которою отличаются индусы, питающиеся корнями и овощами». «Движение идей, начавшееся в XVIII столетии, совпадает с введением в Европе кофе и чая во всеобщее употребление».

Писареву было двадцать лет, когда он писал эту статью, и, усвоив столь примитивный материализм, воображал, что всю мудрость можно почерпнуть из естественных наук. Понятно отсюда, что в статье «Русский Дон-Кихот» (И. В. Киреевский), напечатанной в том же году, он говорит: «Умозрительная философия — бесцельная роскошь, пустая трата умственных сил». В статье «Схоластика XIX века», написанной тоже в 1861 году, Писарев, советуя освободиться от авторитетов, говорит: «Если авторитет ложный, тогда сомнение разобьет его и прекрасно сделает; если же он необходим или полезен, тогда сомнение повертит его в руках, осмотрит со всех сторон и поставит

на место. Словом, вот ultimatum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам: во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть». Уже в этой статье он заявляет, что «разумный эгоизм есть правильное поведение». Особенно дорога Писареву свобода личности. Литература, говорит он, должна «эмансипировать человеческую личность от разнообразных стеснений», должна искоренить «робость мысли», «предрассудки касты, авторитет предания». Нужно отбросить этот «отживший хлам», который «мешает свободно дышать и развиваться во все стороны». Освобождение личности от предписаний религии, от сословных обычаев, от традиционных устоев общественной жизни Писарев не считает опасным, потому что, по его мнению, «человек от природы — существо доброе».

Когда в 1862 году был напечатан роман Тургенева «Отцы и дети», многие молодые люди обиделись, считая, что Тургенев в образе Базарова представил их в карикатурном виде. Писарев, наоборот, в статье «Базаров» хвалит этого нигилиста. Он говорит, что «идеалы», «романтизм» Базаров считает «вздором», но «он не ворует чужих платков, не вытягивает из родителей денег, работает усидчиво»; он — человек «искренний». Таков его «личный вкус», вроде того, как личный вкус мешает ему есть тухлое мясо. Но, кроме вкуса, тут есть и «расчет»: умные люди понимают, что «быть честным выгодно», «преступное опасно и, следовательно, неудобно». «Ни над собою, ни вне себя, ни внутри себя он не признает никакого регулятора, никакого нравственного закона, никакого принципа»; он «поступает только так, как ему хочется или как ему кажется выгодным и удобным»; он «считает совершенно излишним стеснять свою особу в чем бы то ни было».

Правда, тургеневский Базаров, признает Писарев, «плохо воспитан», иногда он «завирается», напр., когда «с плеча отрицает вещи, которых сам не понимает: поэзия, по его мнению, ерунда; читать Пушкина — потерянное время; заниматься музыкою — смешно; наслаждаться природою — нелепо». Эти недостатки Тургенев приписал Базарову, думает Писарев, потому, что он, как «аристократ», не благоволил к нигилистам, однако будучи хорошим художником, «Тургенев оправдал Базарова и оценил его по достоинству. Базаров вышел из испытания чистым и крепким»; «против этого типа Тургенев не нашел ни одного существенного обвинения». Смысл романа «великого художника» Писарев формулирует так: «Теперешние молодые люди увлекаются и впадают в крайности, но в самых увлечениях сказывается свежая сила и неподкупный ум». Писарев указал на ограниченность Базарова, на его отрицание поэзии, музыки; в дальнейших

произведениях Писарева мы найдем эти самые отрицания, что и показывает, как правильно подметил Тургенев недостатки, нигилистов.

Как мы уже видели, Писарев отрицает нравственные законы, принципы; он рекомендует человеку поступать так, «как ему хочется, как ему кажется выгодным и удобным» и находит «совершенно излишним стеснять свою свободу в чем бы то ни было». Он проповедует эгоизм, однако прибавляет, что у мыслящего человека это — «разумный эгоизм», руководящийся правильным «расчетом». Посмотрим теперь, в чем состоит правильный расчет. В статье «Реалисты» Писарев говорит, что разумный эгоист есть «мыслящий реалист». Ему свойствен «сознательный и глубоко расчетливый эгоизм зрелого человека, заготавливающего себе на целую жизнь запасы свежего наслаждения». Мыслящий реалист руководится «идеею общей пользы или общечеловеческой солидарности», потому что человеку «необходимо общество других людей» и «участь одного зависит от участи всех». Таким образом, разумный эгоизм «совпадает с результатами самого сознательного человеколюбия». Смысл жизни мыслящего реалиста: «любовь, знание и труд». Значение слова любовь в этом тексте Плоткин расшифровывает так: «титанами любви Писарев называл вождей революционных и социалистических движений масс».*)

В статье «Мыслящий пролетарий» Писарев задался целью обрисовать характер и поведение «новых людей» своего времени, таких, как Базаров и особенно таких, как главные деятели романа Чернышевского «Что делать?» — Лопухов, Кирсанов и Вера Павловна. Упоминание имени Базарова указывает, что он имеет в виду тех «новых людей», которых в России стали называть нигилистами по почину Тургенева. В романе Чернышевского мы находим такую же характеристику правильного поведения, как и та, которую дает Писарев, восхваляя Базарова и «разумный эгоизм». Поэтому можно утверждать, что основы нигилизма Писарева выражены уже раньше его Чернышевским.

«Человеком управляет только расчет выгоды», говорит Чернышевский в своем романе. «Работа на пользу других и наслаждение такою работою», по мнению Лопухова, и есть лучшая выгода. Если люди будут так правильно расчетливы, «никто никого принуждать не будет» и «все должны быть счастливы». Писарев с восхищением указывает на это учение о правильно расчетливом эгоизме. «Мыслящие пролетарии», говорит он, находят удовлетворение в любимом труде. Для та-

*) Плоткин. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов, 1945, стр. 253, 320.

ких людей «не существует разногласия между влечением и нравственным долгом, между эгоизмом и человеколюбием». «Потребность самоуважения и боязнь собственного суда будет крепче тех нравственных перил, которые отделяют людей старого закала от разных мерзостей». Три особенности свойственны «новым людям»: 1. любовь к какому нибудь общепользному труду; 2. совпадение личной пользы с общею пользою; 3. гармония ума и чувства. Такими свойствами обладает в романе «Что делать?» Кирсанов, профессор медицины и практикующий врач: он страстно любит науку и применение ее к лечению больных. Лопухов и Вера Павловна, основавшая кооперативную швейную мастерскую, ведут жизнь, руководясь аналогичными мотивами. Все эти «расчетливые эгоисты», говорит Писарев, «обыкновенные, честные, порядочные люди».

Присмотримся теперь, как герои романа «Что делать?» уверяют себя и других, что в своем поведении они руководятся своим эгоизмом. Лопухов, студент медицины, надеющийся стать профессором и посвятить жизнь любимой им науке, бросает эти мечты, чтобы найти заработок, который дал ему возможность жениться на Вере Павловне и освободить ее от низменной среды ее семьи. Друг его Кирсанов, ставший профессором, полюбил Веру Павловну, но, не желая мешать счастью своего друга, говорит в обществе его и Веры Павловны пошлости, чтобы оттолкнуть их от себя и таким образом прервать связь с ними. Свой поступок Кирсанов не хочет назвать благородным, потому что благородство «пышное, двусмысленное, темное слово». Он говорит, что он — эгоист, и поступок его — расчетливый. «Будь честен, т. е. расчетлив», — вот правило его поведения (глава III, 17). Если человек оценивает какой либо свой поступок, как «геройский подвиг великодушия», то это — «эгоизм поворачивает твои жесты так, что ты корчишь человека, упорствующего в благородном подвижничестве» (там же, 22). Через несколько лет болезнь Лопухова и необходимость лечить его приводит Кирсанова опять в семью Лопухова; тут Вере Павловне и Кирсанову становится ясно, что они страстно любят друг друга. Лопухов замечает это и, чтобы освободить жену, симулирует самоубийство, уезжает в Америку и через несколько лет возвращается, как мистер Бьюмонт. Лопухов, пишет Чернышевский, так любил жену, что готов был для нее «на смерть, на всякое мучение». Но сам Лопухов так объясняет свой поступок: «Я действовал в собственном интересе, когда решился не мешать ее счастью» (глава IV, 1). И Кирсанов говорит, что «он все делал из эгоистического расчета, для собственного удовольствия» (там же, 2). Интересно то, что этот материаль-

лист объясняет чужотку и упадок сил одной из своих пациенток «нравственной причиною» (глава V).*)

Политические взгляды Писарева Плоткин в книге «Д. И. Писарев» определяет, как колебание между двумя программами: он высказывался то в пользу революции, то в пользу мирного прогресса, осуществляемого «мыслящими реалистами» (104). В статье «Мыслящий пролетариат» Писарев говорит, что общественное зло происходит от бедности и праздности: одни трудятся, а другие без труда получают богатство. Можно однако надеяться, что «мысль обновит весь строй общества». «Дайте капиталисту полное, прочное, чисто человеческое образование и он сделается не благодетельным филантропом, а мыслящим и расчетливым руководителем народного труда, т. е. таким человеком, который во сто раз полезнее всякого филантропа» («Реалисты», глава XXXII). Особенно объяснение природы, т. е. развитие естествознания, думает Писарев, ведет к изменению общественного бытия. В своем более позднем труде Плоткин понимает учение Писарева о мирном прогрессе не как отказ от революции, а как его программимум.

В состав нигилизма Писарева входит, между прочим, отрицание эстетики. Односторонне сосредоточившись на проблеме борьбы с общественным злом, он написал статью «Разрушение эстетики». В ней он начинает с отрицания эстетики, как науки о прекрасном. Прекрасное, думает он, для каждого человека есть то, что соответствует его личному вкусу. Следовательно, эстетика, как наука, не может существовать: она должна быть заменена физиологиею и гигиеною в главах их, содержащих учение о приятных и полезных ощущениях. Разделавшись с эстетикою, как наукою, Писарев затем нападает на эстетику, как искание красоты в произведениях искусства. Только те произведения искусства он одобряет, которые не превращают себя «в лакея роскоши», а служат великой цели «искоренения бедности и невежества». В статье «Посмотрим» он приходит к мысли, что так служить человечеству может только литература, а музыка, живопись и скульптура не годятся для этой цели и потому они бесполезны.

И Чернышевский, и Писарев были односторонне сосредоточены на проблеме искоренения общественного зла, на вопросе о социальной справедливости. Их идеал поведения человека очень высок. Поставим однако вопрос, правильна ли их теория, согласно которой рекомендуемое ими поведение есть вид эгоизма. Всякий поступок человека осуществляется на основании стремления к какой-либо цели, считаемой им

*) Современную бездарность Чернышевского великолепно обрисовал В. Набоков (Сирин) в романе «Дар», гл. четвертая.

положительно ценною. Назовем бытие, которое я стремлюсь осуществить, напр., выздоровление личимого мною ребенка, словами объективное содержание стремления. Когда человеку удастся осуществить объективное содержание своего стремления, он испытывает субъективное чувство удовольствия, чувство удовлетворения. Не только Чернышевский и Писарев, но и многие значительные философы, напр., Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер, наблюдая этот факт, отстаивали учение, что настоящая цель всех поступков человека есть удовольствие, а объективное содержание стремления есть не цель, а только средство для получения удовольствия. Отсюда получается вывод, что в основе всех поступков человека лежит эгоизм. Имея дело с такими фактами, как пожертвование человеком своею жизнью в борьбе за политическую свободу или самоотверженное поведение врача во время эпидемии чумы, такие философы, как Спенсер, придумывают сложные хитроумные теории, чтобы объяснить, как из эгоистической основы возникают альтруистические поступки. Эти теории возникают не только вследствие плохого наблюдения фактов, но еще и под влиянием такого учения о строении мира, согласно которому все бытие человека находится в пределах того пространства, которое занято его телом и в котором происходят физиологические процессы его тела и его субъективные психические состояния. Отсюда естественно возникает мысль, что все поведение человека диктуется его эгоизмом. Особенно метафизика материализма и близких к материализму теорий мира приводит к этому убеждению. Такие учения о мире, как множество существ с обособленным друг от друга бытием, можно называть **н е о р г а н и ч е с к и м и**.

Попробуем наблюдать поведение человека без предвзятых теорий о строении мира. Положим, я лечу своего любимого ребенка и, видя его выздоровление, испытываю удовольствие. Что было целью моего поведения, здоровье ребенка или чувство моего удовольствия? Правильный ответ на этот вопрос, конечно, такой: здоровье ребенка было целью моего лечения, а чувство удовольствия есть только субъективная отметка того, что цель мною достигнута; мне дорого не это мое удовольствие, а здоровье ребенка. Конечно, отсюда возникает вопрос, как связано мое я со всеми другими существами, если я способен принимать к сердцу интересы другого существа так, как если бы они были моими собственными. Ответом на этот вопрос служит **о р г а н и ч е с к о е м и р о в о з з р е н и е**, согласно которому бытие всех существ связано друг с другом внутренне настолько интимно, что я не замкнут в своем бытии, а способен наблюдать чужое бытие и сочувствовать или не сочувствовать ему так же непосредственно, как и различным сторонам своей жизни. Индивидуальная личная любовь со-

стоит в том, что я приобщаю чужое бытие к своему я и оно становится для меня столь же дорогим, как и мое собственное бытие, иногда даже более дорогим.

Не только ценность другой личности и ее жизни может стать целью моего поведения независимо от того, выгодно ли это мне или нет. И другие положительные ценности, напр. открытие истины, творение художественного произведения и т. п. могут стать целью поступков человека без всякого расчета о личной выгоде. Отсюда следует и такое парадоксальное явление: даже грубо эгоистический поступок иногда руководится сложными мотивами так, что он не есть проявление одного только эгоизма. Положим, напр., во время войны, оккупируя территорию неприятеля, генерал, любитель искусства, восхищенный красотой какой-либо картины, отнимает ее у владельца ее и присваивает себе. Этот эгоистический поступок содержит в себе и такую слагаемую, как любовь к красоте, т. е. любовь к объективной ценности независимо от личных выгод.*)

Хотя стопроцентный эгоизм встречается редко, все же царство бытия, к которому мы, люди, принадлежим, состоит из существ, эгоистических, в значительной степени. Сама наша грубая материальная телесность есть следствие эгоистической деятельности: я и служащие мне органами низшие существа, мы вместе производим акты отталкивания, создающие относительно непроницаемый объем нашего тела: мы вместе завоевываем в свое исключительное пользование некоторый объем пространства. Наше царство бытия вследствие нашего эгоизма полно недостатков, совершенная гармония в нем невозможна. Абсолютное добро осуществляется только в Царстве Божием, состоящем из личностей, вполне освободившихся от эгоизма, действительно любящих Бога больше себя и ближнего, как себя. Даже тела таких личностей — не материальные, а преображенные, не содержащие в себе актов отталкивания. Все деятельности членов Царства Божия имеют целью творение абсолютных ценностей нравственного добра, красоты, познания истины. Только в этом Царстве есть абсолютное добро. В нашем царстве эгоистических существ во многих случаях мы испытываем влечение к совершению поступков, в которых менее ценное относительное бытие мы предпочитаем более ценному, напр., иной раз человеку хочется играть в карты, а не ухаживать за больным членом своей семьи. В таком случае совесть упрекает его и он, отказываясь от приятного развлечения, исполняет веления нравственного

*) Учение о неорганических и органических мировоззрениях изложено в моей книге «Типы мировоззрений», а применение органического мировоззрения к проблемам нравственности в моей книге «Условия абсолютного добра».

долга, испытывал их, как тягостную сторону жизни. Отсюда ясно, что подобные требования совести, выраженные в предписаниях религии и в нравственных принципах, служат в царстве эгоистических существ необходимым средством обуздания эгоизма и усовершенствования жизни. Проповедь нигилиста Писарева отбросить все принципы и делать лишь то, чего «хочется», есть грубая ошибка. Идеал человеколюбивого поведения, увлекающий Писарева, не может быть достигнут во всей полноте на основе его теории «расчетливого эгоизма»; на этом пути нередко требуется служение добру без всяких «расчетов».

Ошибочная теория, сводящая все поведение всех людей к эгоизму, возникла у Писарева и у Чернышевского, как логический вывод из метафизики материализма. Но был и психологический мотив отставания ее, именно нелюбовь к пышным, высокопарным фразам. Оба они были в своем поведении далеки от эгоизма и увлекались идеей социальной справедливости, но целомудрие чувства побуждало их говорить не только другим людям, но и самим себе, будто такое поведение есть только «расчетливый эгоизм». Благодаря доброте, благородству и хорошему воспитанию Писарева, нигилизм его не проявлялся в жизни в отрицательных поступках. Публицист Шелгунов в своих «Воспоминаниях», так характеризует «эгоизм» Писарева: «Писарев хотел, чтобы каждый думал самостоятельно и сам, без частных указаний, устраивал свою жизнь на общих началах правды, добра, любви и справедливости. В этом и заключалась теория эгоизма, которую он проповедывал» (том II, стр. 710). Сам Шелгунов (1824—1891) был проповедником и в жизни своей представителем такого же нигилизма и мнимого «эгоизма». Н. К. Михайловский в статье «Н. В. Шелгунов» так изображает характер его и учение о правильном поведении: Шелгунов совмещал «лучшие стороны мужского и женского типа: сочетание мужественной силы и женской нежности». Эгоизм он считал единственным принципом и основанием нравственности «под условием известной широты личных горизонтов, способных обнять и чужие интересы, как свои собственные». Он боролся против «ячества», т. е. «против эгоизма узкого и одностороннего человека, который дальше своего носа ничего не видит».

Нигилизм Писарева, выражающийся в отрицании предписаний религии, нравственного закона, принципов, традиционных форм общественной жизни, не проявлялся в его личном поведении в отрицательных поступках. Но нигилизм многих русских людей, появившийся уже раньше публицистической деятельности Писарева, был неприятным и даже опасным явлением русской общественной жизни. Даже внешний вид многих нигилистов был непривлекателен, — небреж-

ная одежда, лохматые волосы у мужчин, стриженные, плохо причесанные волосы девушек, грубые манеры, все эти отталкивающие свойства часто встречались в их среде. Содержание их поведения было еще более отталкивающим: практика свободной любви без заботы о ребенке, могущем явиться следствием ее, в имущественных отношениях нечто вроде правила «все мое — мое и все твое тоже мое», защита своих прав без признания своих обязанностей, кощунственное отрицание религии и т. п. свойства. В русской литературе эти отрицательные проявления нигилизма изображены с весьма различных сторон. У Гончарова таков Марк Волохов в романе «Обрыв». Он таскает яблоки в чужом саду, говоря: «привык уж все в жизни без позволения делать, так и яблоки буду брать без спросу: слаще так!» Хорошее пальто Райского он надел и не отдал ему. Желая овладеть Верою, он говорил ей, что «замуж выходить нелепо». «Вы еще не женщина, а почка; вас надо еще развернуть, обратить в женщину; я зову вас на опыт». Вера хочет счастья на всю жизнь, а Марк говорит: «хватай его на лету, а потом беги прочь». Он отрицает «долг», «мораль» и рекомендует «свободно отдаваться впечатлениям». У Лескова в «Соборях» в комическом виде изображены глупый, но честный безбожник Варнава Препотенский и бестолковая Бизюкина.

Всего талантливее и разнообразнее представлены нигилисты в романах Достоевского, напр., в «Идиоте» поведение Антипа Бурдовского и его компании, явившейся к князю Мышкину требовать наследство, на которое в действительности Бурдовский не имел никакого права. Роман «Бесы» изображает, можно сказать, сатанинскую сторону крайних форм нигилизма, сконцентрированную в революционере Петре Верховенском, организовавшем убийство Шатова. В то время, как Достоевский писал свой роман, аналогичное преступление было совершено в действительности революционной группой под руководством Нечаева, основавшего партию «Народная расправа».

«Катехизис революционера», написанный для Нечаева Михаилом Бакуниным, дает представление о нигилизме Нечаева. В нем особенно характерны следующие правила. 1. В революционере все поглощено «единственной страстью — революцией». 2. Он разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, приличием, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. 3. Он знает только одну науку — науку разрушения. 4. Нравственно для него все то, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему. 22. У товарищества нет другой цели, кроме освобождения и счастья народа, т. е. чернорабочего люда. Будущую организацию выработает народ, а теперь нужно только «страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение».

Нигилисты стали появляться в России перед началом великих реформ Императора Александра II. В это время на смену дворянам выдвинулись в литературе и общественной жизни получившие образование разночинцы, люди деклассированные, дети духовных лиц, покинувшие сословие духовенства, дети купцов, покинувшие купеческое сословие, дети мещан, ставшие образованными интеллигентами, дети мелких чиновников. Среди интеллигенции этого времени возникло революционное брожение вследствие недовольства существованием крепостного права и вопиющих недостатков реакционного самодержавного режима Николая I. Считая церковь реакционной силой, революционеры не только теряли религию, но даже становились атеистами и сторонниками материализма, весьма к тому же распространенного в это время и в Западной Европе. В их среде, главным образом и явилось движение, названное нигилизмом и состоящее в отрицании принципов и нравов «отцов», описанное в романе Тургенева. Освобождение крестьян, произведенное в 1861 году, не удовлетворило их. Крестьяне получили земельные наделы, так рассчитанные и расположенные, что в своей хозяйственной жизни они в значительной степени оставались зависимыми от помещиков. Произошло это потому, что русский самодержец, как и всякий абсолютный монарх, не был, конечно, всемогущим: его власть опиралась на дворянское сословие и добиться освобождения крестьян можно было не иначе, как сделав значительные уступки помещикам. К тому же, внезапное разорение дворянства было бы в то время гибелью культуры и разрушением всей государственной жизни. Даже и реформы Александра II представляли собою глубокое изменение всей государственной и общественной жизни; поэтому необходимо было сначала усвоить их путем мирной эволюции и затем перейти к окончательному улучшению положения крестьян и к завершению земского хозяйственного самоуправления политическим самоуправлением в форме конституционной монархии, но в среде политически неопытной русской интеллигенции революционное брожение не ослабело после реформ, а еще более возросло и нигилизм весьма распространился.

Основным свойствам русского народа нигилизм не противоречит. Утратив религию и став материалистами, большинство нигилистов все же было увлечено стремлением искоренять зло в общественной жизни. Христианский идеал абсолютного добра в Царстве Божием они заменили идеею земного материального благополучия и воображали, что оно достижимо не иначе, как в форме социализма, для чего необходима революция. В своем отрыве от традиционных устоев общественной жизни они нередко проявляли свойственный русским людям максимализм и экстремизм, а также смелое испытание ценностей путем опыта, действительно следуя правилу Писарева: «что можно раз-

бить, то и нужно разбивать». Таким образом, нигилизм есть оборотная сторона добрых качеств русского народа, появляющаяся в жизни тогда, когда, утратив религию и став материалистом, русский интеллигент задается целью насильственным образом устроить «рай на земле» по своему плану и может стать таким извергом, как Нечаев с его «Катехизисом революционера».

К счастью, однако, революционное движение шестидесятых годов не имело успеха. В русской интеллигенции нашлось много людей, добросовестно работавших для проведения в жизнь реформ Александра II, как мировые посредники, как судьи и присяжные поверенные, как деятели земского и городского самоуправления. Все недостатки русской жизни постепенно преодолевались эволюционным путем, особенно после того, как в 1905 г. самодержавие было отменено. Революция 1917 г. была не исторически необходимым явлением, а результатом стечения несчастных обстоятельств во время истощившей силы народа Первой мировой войны.*)

2. Хулиганство

В среде образованных русских людей отрыв от строя жизни «отцов», утрата религии и материализм нередко ведет к нигилизму, а в мало образованной народной толще, среди крестьян и рабочих этот отрыв выражается в озорстве и хулиганстве. Утратив устои и начав бунтовать против них, русский человек, по словам Достоевского, испытывает потребность «хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и — броситься в нее, как ошалелому, вниз головою». В виде подтверждающего примера Достоевский рассказывает об одном деревенском парне, который «по гордости» взялся совершить поступок, самый крайний по степени дерзости, и совершил его, именно — расстрелял Причастие. В момент выстрела он увидел перед собой «крест, а на нем Распятый» и упал без чувств. Через несколько лет муки раскаяния заставили его ползком добраться до «старца» в монастыре, чтобы исповедать свой грех (Дневник писателя, 1873, V).

В XX веке после многолетней пропаганды революционеров против Церкви и религии вообще хулиганство среди простого народа стало распространяться в угрожающих размерах. Этому вопросу посвящена книга И. А. Родионова «Наше преступление», первое издание которой было напечатано в 1909 г. В ней рассказано о том, как крестьянские

*) См. мою статью «О возникновении и смысле русской революции», (Russian Review, октябрь 1951, — по русски в журнале «Грани», № 25.

парни в пьяном виде избили до полусмерти крестьянина Ивана Кирильева из мести за то, что он отдал десятину своей земли в аренду не отцу одного из этих парней, а другому крестьянину. Иван был найден на дороге из города в деревню в бессознательном состоянии; его свезли в земскую больницу и там он через несколько дней скончался. Парни, заподозренные в избиении Ивана, были арестованы, но по недостатку улик через несколько дней были отпущены. Мать Ивана Акулина и жена его Катерина повезли его из больницы в гробу, чтобы похоронить в своей деревне. Случилось так, что тою же дорогою шли парни, виновники смерти Ивана. Они весело болтали, радуясь тому, что вместо заслуженной ими каторги они очутились на свободе. Проходя мимо телеги с гробом Ивана, один из парней Лобов заговорил: «Ему хорошо теперича, вашему Ванюхе-то. Лежит себе спокойно, никакой заботы не знает, а мы сколько через его этой самой муки приняли» . . . начал он говорить серьезно, но вдруг рот у него дрогнул и все подвижное наглое лицо его стало перекашиваться от невольной усмешки. Он хотел подавить свою смешливость, но, взглянув на товарищей, не выдержал и расхохотался. «Чего ты, чорт? — вполголоса строго сказал Сашка Степанов (зачинщик избиения Ивана), но и сам тотчас же стал кусать губы, потому что непреодолимая сила распирала ему рот. Внезапная смешливость Лобова и Сашки заразила и остальных двух товарищей. Отвернувшись от баб и схватившись за животы, парни прыскали и надрывались от беззвучного душившего их смеха.

Акулину возмутило это веселье убийц.

— Штой то не видно по вас, штобы вы столько муки приняли, — сказала она. Видно вас оправдали, что идете такие веселые, а нам уж никогда не воротить . . . никогда не увидеть живого и здорового нашего кормильца Ванюшку . . . Акулина не выдержала и заплакала.

— А как же не мука, тетка Акулина, безвинно страждать? — заговорил Лобов. Все его безусое, озорное лицо подергивалось от откровенной, наглой усмешки, которую он уже не намерен был скрывать. Наоборот, ему хотелось поговорить и потешить себя и товарищей.

— Кто его убил, — неизвестно; может пьяный сам упал как и разможил себе голову об камни, а мы в ответе. Нас по судам, да по острогам таскают, казенных вшей да клопов своим телом да кровью питаем . . .

Парни расхохотались гораздо откровеннее прежнего.

— Э-э, нехристи вы . . . креста на шее нету-ти. Убили человека и над гробом его надсмехаетесь, безотцовщина несчастная... — укоризненно покачивая головой, сказала Акулина.

— Мамынька, не связывайся с ими, брось. Пущай . . . собака лает, ветер носит, — сказала Катерина.

— Нельзя все спускать таким . . . непутевым, таким негодьям, — уже вне себя от гнева и бессилия, заливаясь слезами, выговаривала Акулина. — И Господь милосердный терпит это и не накажет этих злодеев . . . как только земля носит, не провалится под ими, под такими негодными.

У Лобова заискрились и без того блестящие озорные глаза.

— Ну, ну, ты не очень ругайся, старая сука, а то и тебя не долго придушить... — Но тут он запнулся. — Ишь Бога вспомнила, сволочь! Я тебе Бог, а ежели мало, так и Богородица в придачу.

При этом он с захлебыванием выплюнул мерзейшее ругательство, за ним другое, третье и четвертое . . . одно возмутительнее и гаже другого.

— Нету никакого Бога. Вот как . . . Я вам Бог, молитесь и прикладывайтесь к моему . . . один чорт будет! — с тем же азартом, точно мстил своему кровному обидчику, выкрикивал Лобов и выразительным жестом руки указывал бабам на одно непристойное место своего тела.

— Вот где у меня Бог запрятан. Прикладывайтесь, прикладывайтесь, покудова не тесно . . . Не препятствую . . . Чего же глядите, сволочи, шлюхи?

И он, забежав вперед и обернувшись к бабам, вплотную напирал на них, расстегивая штаны.*)

Омерзительность этого хулиганства, выражающаяся в нем ненависть к идее Бога и к религии свидетельствуют о том, что в подсознании хулигана копошится укор совести за совершенное убийство и страстное желание отделаться от мысли о Великом и Совершенном Судии, обязывающее сдерживать свои порочные страсти и служить добру. Это не религиозный индифферентизм, а воинствующее богоборчество.

Не только среди крестьян, и в других слоях русского общества молодые люди, усомнившиеся в существовании добра, не обладая выработанным устойчивым характером и пользуясь живым изобретательным воображением, способны совершать изумительные хулиганские выходки. В романе Ремизова «Пруд» рассказана жизнь одной семьи в Москве явным образом на основании наблюдения действительных фактов. Это была купеческая семья, в которой умер отец и, спустя некоторое время, повесилась мать; дети-сироты жили из милости у своего дяди во флигеле, находившемся во дворе фабрики его. Дети эти были добрые по существу, однако наблюдая кругом несправедливости и жестокости, испытывая нередко обиды, страдая от нищеты и чувствуя на каждом шагу свое зависимое положение, они изверились в добре. Во

*) И. А. Родинъ. Наше преступление. Седьмое издание. Берлин, 1922, стр. 130 сс.

всем они видят отрицательную сторону и мстят за нее, издеваются надо всем, совершая поразительные хулиганские выходки. Они, напр., способны были вымазать навозом или даже накормить куриным пометом пришедшего к ним в гости мальчика. Имея много знакомых среди духовных лиц и дружа с некоторыми из них, они в то же время давали им насмешливые и даже отвратительные прозвища, напр., отец Алфей — Сосок, о. Иосиф — Блоха, о. Геннадий — Курья шейка, о. Никодим — Гнида, о. Никита — Глист. В то же время у них иногда являлись периоды увлечения религиею и они начинали читать Священное Писание, исполнять у себя на дому долгие акафисты, молебны.

На какой почве возникло хулиганство этих детей-беспризорников, можно живо представить себе, знакомясь с восприятием жизни одного из них, который вспоминает дни, «когда тихонько в дверь нужда постучалась, верная спутница неудачи, — она тебя никогда не забудет. И впустили ее, приняли дырявую, гнилую, рваную, с плоским безволосым черепом, с загноившимися мутными от слез глазами. Как не принять! И вот будто в уголку где-то примостилась она зимовать. Разбухшие прелые челюсти ей рот перекосили, и хрипло и гнусаво затянула она свою песню: «Родненькие, сердечные, есть мне хочется; дайте, голубчики, кусочек, хоть завалящий какой, родненькие!» А вокруг ее тараканы шуршат, мыши грызутся, клопы кишат».

Заключение

В заключение познакомимся с тем, как Легра и Бэринг суммируют свои наблюдения над русским народом. Легра в последней главе книги „L'âme russe“ дает следующий перечень основных свойств русского народа: природное изящество, обаятельность, гостеприимство, мягкость, любовь к детям, женственность, ловкость, ум, способность к публичной речи, любовь к пассивным удовольствиям, гуманность, доброжелательность, жалость к страдающим, широкая натура, щедрость, неорганизованность. Народ русский, говорит Легра, вызывает к себе любовь, если поживешь среди него (стр. 281). Приведу еще некоторые замечания Легра из других мест его книги. Он отмечает у русских страстное увлечение каким-либо делом, а потом внезапный переход к другому увлечению, импульсивность, отсутствие сдерживающих начал, смелость мысли, но зато и обилие заблуждений, отсутствие пропорции и равновесия в нравственном поведении, отсутствие меры, небрежность в работе, грязь, пьянство.

Бэринг в книге «Русский народ» дает следующий перечень положительных и отрицательных свойств русского народа. 1. Пластичность и в связи с нею гуманность, способность к ассимиляции, гибкость ума, искренность, свобода мысли и нравов. Но в связи с пластичностью существуют у русского народа следующие отрицательные свойства: потворство и распущенность, недостаток оригинальности, поверхностность, неустойчивость (lack of backbone), отсутствие индивидуальной дисциплины и потому отсутствие политической свободы. 2. В связи с пластичностью — отсутствие сдерживающих начал, откуда Бэринг выводит, как положительные качества, — спазматическую энергию и смелость мысли, но также и следующие отрицательные качества: экстравагантность, отсутствие чувства меры, робость поведения, скачки от энергии к бездеятельности, от оптимизма к пессимиз-

му, от бунта к подчинению, боязнь ответственности. 3. У великороссов Бэринг находит противоположные пластичности позитивизм, реализм и здравый смысл, откуда выводит, как положительные качества, — терпение и единство цели, а как отрицательные качества, — недостаток индивидуальности, независимости и гражданского мужества. Очень интересна и оригинальна попытка Бэринга конкретно изобразить сумму основных свойств англичанина и русского. Он говорит, что в каждом англичанине есть сочетание характера Генриха VIII, Джона Мильтона и мистера Пиквика, а в русском человеке сочетаются Петр Великий, князь Мышкин и Хлестаков.*)

Особенно интересно и ценно то, что Бэринг говорит о России и русском народе в книге «Главные истоки России». В заключительной главе ее «Очарование России» он говорит, что *advocatus diaboli* (адвокат дьявола, — так называется в Католической церкви лицо, которому поручено перечислить недостатки канонизируемого святого) укажет много недостатков России. «Россия — страна с неприятным климатом, — сухое лето, дающее ненадежный урожай, иногда ведущий к голоду, невыносимо долгая зима, сырая нездоровая весна и еще более нездоровая осень; страна, в которой столица построена на болоте, где почти нет хороших дорог, провинциальные города — разросшиеся деревни, грязные, приземистые, скучные, лишенные естественной красоты и не украшенные искусством; страна, в которой внутренние пути сообщения вне больших железнодорожных линий сложны и плохи, где на лучших линиях происходят крушения из-за гнилых шпал; где издержки на жизнь велики и не пропорциональны качеству доставляемых продуктов; где работа — дорогая, плохая и медленная; где гигиенические условия жизни населения очень плохи; где много всяких болезней, включая чуму; где медицинская помощь и приспособления для нее недостаточны; где бедные люди — отсталые и невежественные, а средний класс — беспечный и неряшливый; где прогресс намеренно задерживается и подвергается всевозможным препятствиям; страна, управляемая случаем, где все формы администрации произвольны, ненадежны и мешкотны; где все формы деловой жизни громоздки и обременены канцелярскою волокитою; где взятка — необходимый прием в деловой и административной жизни; страна, отягощенная множеством чиновников, которые в общем ленивы, подкупны и некомпетентны; страна, где нет политической свободы и элементарных прав гражданина; где даже программы концертов и все иностранные газеты и книги подвергаются цензуре; где свобода прессы стесняется мелкими придирками, а издатели постоянно штрафуются, иногда арестуются;

*) M. Baring. „The Russian people“, 1911, стр. 54 с.

где свобода совести стеснена; страна, где динамит есть единственный политический аргумент, доступный частному лицу, и политическое убийство — единственная форма гражданского мужества; страна плохого управления; страна, где есть всякое попустительство, и нет закона; где всякий действует, не принимая во внимание соседа; где вы можете делать все, что угодно, и не можете критиковать ничего; и где единственный способ показать, что у вас есть мужество иметь свои убеждения, состоит в том, чтобы провести ряд лет в тюрьме; страна крайностей, нравственной распущенности и экстравагантного потворства самому себе; народ без держания себя в руках и самодисциплины; народ, все порицающий, все критикующий и никогда не действующий; народ, ревнивый ко всему и ко всем, кто выходит из строя и поднимается выше среднего уровня; смотрящий с подозрением на всякую индивидуальную оригинальность и отличие; народ, находящийся в рабстве застывшего уровня посредственности и стереотипных бюрократических форм; народ, имеющий все недостатки Востока и не имеющий ни одной из его суровых добродетелей, его достоинства и внутренней дисциплины; нация ни к чему не годных бунтовщиков под руководством подлиз-чиновников; страна, где стоящие у власти живут в постоянном страхе, и где влияние может исходить отовсюду, — где ничто не столь абсурдно, что не может случиться; страна неограниченных возможностей, как было сказано в Государственной Думе.*)

Бесчисленные недостатки России указывает «адвокат дьявола» и тем не менее, говорит Бэринг, «я люблю эту страну, с удивлением и уважением отношусь к этому народу» (стр. 316). «Недостатки России — оборотная сторона положительных качеств ее, столь ценных, что они перевешивают недостатки». И в природе России Бэринг указывает достоинства: Тургеневский пейзаж, очарование весны, красоту зимы. Он находит в России проблески красоты редкостной; русские песни и музыка трогают сердце; русская поэзия — ближайшая к природе и человеку; человеческая любовь — ближайшая к Богу. «Русская душа полна человеческой христианской любви, более теплой, простой и искренней, чем я встречал у других народов»; «отсюда проникновенность русской музыки, искренность и простота религии, манер, общения, песни, стиха, искусства, деятельности, — одним словом, искусства, жизни и веры» (318). «Для меня Россия полна единственной и покоряющей прелести» (321). «То, что я люблю и чему удивляюсь в русском народе, имеет не варварский, живописный или экзотический характер, но представляет собою нечто вечное, общезначимое и великое, — именно его любовь к человеку и веру в Бога» (322).

*) M.Baring. „The Mainsprings of Russia“, 1914, стр. 313—315.

О различии характеров великороссов и малороссов Бэринг говорит, что это — более северные и более южные русские вроде того, как итальянцы в Пьемонте и южные итальянцы, или как северные и южные французы. Малороссы более беспечны, менее предприимчивы, у них более живой ум и воображение, они менее положительны, более индивидуальны, а великороссы склонны к кооперации. К славянскому племени великороссов присоединилась примесь финнов, но не татар; татары имели политическое влияние на Россию, но не расовое. Примесью финской крови Бэринг объясняет такую черту характера великороссов, как упорство.*)

Леруа-Болье указывает в своей книге о России на то, что великороссы и малороссы, северное и южное племя, своим характером дополняют друг друга; такое единство, говорит он, «создает величие всех великих наций» (т. I, кн. II, гл. IV). Украинцам-сепаратистам следовало бы понять, что разделение двух русских племен на два государства привело бы к снижению значительности и ценности русского народа в историческом процессе.

Большая часть недостатков русского народа, перечисленных Бэрингом, действительно существует, но он правильно указал, что они представляют собою оборотную сторону положительных свойств народа, «столь ценных, что они перевешивают недостатки». В предыдущих главах недостатки русского народа именно так и были объяснены мною. Неправильно однако замечание Бэринга об отсутствии политической свободы и гражданских свобод, свободы совести, свободы печати и т. п. В 1905 году Россия получила эти свободы. Правда, до 1908 г. они не могли осуществиться сполна потому, что революционный террор продолжался с большою силою, и потому что две первые Государственные Думы не способны были сотрудничать с правительством. Но после изменения избирательного закона третья и четвертая Думы уже начали вырабатывать все более и более плодотворное сотрудничество с административною властью, и Россия быстро стала двигаться в направлении к созданию высокой формы демократии.**)

Что касается взяточничества, оно было в значительной мере искоренено в России в последние десятилетия перед большевистскою революцией. Живя в эмиграции в Западной Европе и Америке, мы наблюдаем гораздо более распространенное взяточничество, чем было в России. Что же касается бюрократии, в некоторых министерствах она стояла на очень высоком уровне, напр., в министерстве финансов со времени

*) M. Baring. „The Russian people“, стр. 34 с.

**) О том, как началась полезная работа третьей и четвертой Государственной Думы вместе с правительством см. книгу г-р. Коковцева «Из моего прошлого».

Витте, в министерстве земледелия, да и везде было не мало чиновников, любящих Россию и служивших ей не за страх, а за совесть.

Экстравагантное потворство себе, о котором говорит Бэринг, можно было наблюдать в жизни русских поэтов символистов в первом десятилетии XX века. Оно было симптомом не только высокой культуры этого времени, но и следствием своеобразного избытка культуры, изнеженной перекультуренности некоторых кругов русского общества. Живое представление об этом явлении дает книга профессора Калифорнийского университета в Беркли Олега Масленикова „The Frenzied Poets“ (Сумасбродные поэты: Андрей Белый и русские символисты). В книге этой рассказана фантастическая жизнь, которую вели такие писатели, как Андрей Белый, Александр Блок, Мережковский, Зинаида Гиппиус, Брюсов, Вячеслав Иванов. Ходасевич в книге «Некрополь» говорит об этих лицах, что они не жили, а «играли в жизнь». Ценные сведения об этой жизни дает сама Зинаида Гиппиус в своей замечательной книге «Живые лица». Вслед за перекультуренными символистами явились представители не избытка культуры, а упадка ее, такие хулиганы, как, напр., Маяковский, Игорь Северянин. И в области живописи возникло аналогичное печальное разложение. О нем говорит С. Маковский в книге «Силуэты русских художников». «Буйно расплодилось, как грибы после дождика, замысловатые — измы наших бунтарей от живописи. Десятки художников оказались сразу главами собственных школ. Групповые, кружковые и одиночные выступления, прикрытые иностранным ярлыком, зачастую совершенно не соответствовавшим своей доморощенной теории, соперничали в дерзании. И все дерзающие требовали исключительного признания, не жалея себя, воюя друг с другом, фокусничая на перегонки, издеваясь над публикою и разпражая ее, хотя и давно ко всему приученную, широковецательным самовосхвалением, малограмотною словесностью в печатных брошюрах и непечатною руганью на своих митингах: кубисты. футуристы, кубо-футуристы. футуро-кубисты, супрематисты. орфеисты. лучисты. имажинисты и т. д. В этом торопливом бунтарстве без руля и без вертил, в этой неистовой погоне за немедленной известностью и впрямь сказалась какая-то анархическая сущность нового века и, вместе, очень национальная черта: страстный безудерж россиянина-самородка, закусившего удила» (стр. 142).

И в изощренной сверхкультуре символистов, и даже в хулиганстве разных футуристов действительно проявляются национальные русские свойства: широкие натуры, анархизм, отсутствие сдерживающих начал, изобретательность, хватаящая через край. Не следует однако преувеличивать значение таких явлений и воображать, будто эти болезненные направления разложили всю русскую жизнь. Все эти эк-

стремисты представляли собою очень органиченный круг общества, не имеющий широкого влияния. Именно начало XX века было роскошным расцветом первоклассной культуры. Напряженный серьезный труд наполнял жизнь профессоров Высших учебных заведений; в средней школе, особенно в частных школах, совершенствовалось преподавание; врачи, инженеры, юристы, земские деятели стояли на высоком уровне культуры. Все лучшие качества русского народа были источником этого цветения культуры. Понятно поэтому, что даже и писатели, враждебно относящиеся к России, часто признают значительность русского народа. Немец Нётцель, двадцать лет живший в России, описывает недостатки русского общества. Политический деспотизм, цензура, крепостное право, говорит он, породили, как противовес, духовный деспотизм, именно доктринерское служение интеллигенции предполагаемому ею благу народа и вражду ее к Церкви. Идеалы русской интеллигенции он характеризует, как субъективизм, т. е. оторванность от жизни и утопизм. Однако он признает, что, освободившись от этих недостатков, русский народ будет вместе с Западной Европой прогрессировать «и многое говорит в пользу того, что он в некоторых отношениях будет впереди нас».*)

Японцы в общем отрицательно относятся к России, ко всей Европе и особенно к христианству. Однако во время первой мировой войны в газете «Ерозу» появилась статья «Культурность русских земледельцев-крестьян». В ней сказано следующее о русском человеке вообще и особенно о крестьянах. «Благочестивое стремление к осуществлению своего идеала есть признак великой будущности русских крестьян. Искренность отношения к своей вере и искренность чувства у русских есть выдающаяся черта среди других наций Европы. Подобная искренность является принадлежностью не одних только крестьян, но все русские имеют таковую». Интеллигенция под влиянием Запада теряет религию, а крестьяне сохраняют ее. «Весь мир должен обратить внимание великое на русскую христиански крестьянскую культуру, как на один из важнейших факторов будущего»; «крестьянами может быть осуществлена истинная демократия».**)

Извращения добрых качеств русского народа были явлением мало распространенным. Понятно поэтому, что русские люди в большинстве случаев глубоко любят Россию и русский народ. Но, с другой стороны, будучи чуткими ко всякому злу и несовершенству, они нередко бранят

*) K. Nötzel. „Die Grundlagen des geistigen Russlands, 1917, стр. 240.

**) Протоиерей Петр Булгаков. Христианство и Япония. Письма из Японии (1914—1917 гг.). Письмо 3. Книга эта существует всего лишь в 30 экземплярах. Мне дал читать свой экземпляр ее Д. М. Красовский, библиотекарь Калифорнийского университета в Лос Анжелесе.

Россию и русский народ так страстно, как будто ненавидят свою родину. Пушкин в письме к жене 18 мая 1836 г. сказал: «Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом», а через полгода, когда было напечатано первое «философическое письмо» Чаадаева, презрительно оценивавшего прошлое России, он писал Чаадаеву: «клянусь честью ни за что на свете не хотел бы я переменить отечество или иметь иную историю, чем история наших предков, какую Бог нам дал». Белинский в своих беседах с приятелями резко критиковал Россию; он «бил по щекам свою мать» Россию, говорит Достоевский в «Дневнике писателя». И вместе с тем Белинский писал: «Чем больше живу и думаю, тем больше, кровнее люблю Русь». «Любовь моя к родному, русскому — страдальческое чувство». Глинка в письме 8 марта 1841 года говорил: «Увезите меня отсюда — я достаточно терпел эту гнусную страну — довольно с меня. У меня сумели отнять все, даже энтузиазм к моему искусству — мое последнее прибежище». И вместе с тем, по сообщению И. И. Панаева в его «Воспоминаниях», Глинка горячо любил Россию и охотно беседовал о будущем ее*). Любовь к русскому народу он выразил делом, поскольку искал национальной формы в своем музыкальном творчестве посредством связи с народным искусством.

Салтыков-Щедрин, безжалостно избличавший в язвительных сатирических очерках недостатки русского государства и русского народа, писал: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где либо, кроме России».**). Мусоргский был отрицательно настроен к режиму русского государства, но он горячо любил русский народ. Он писал Репину: «Какая неистощимая рука для хватки всего настоящего жизни русского народа»; мне «не познакомиться с народом, а побрататься жаждется». Брат его рассказывал о его любви к народу и о том, что он «считал настоящим человеком русского музика». ***)

Недостатки русского народа Достоевский описал острее и глубже, чем Щедрин, но в то же время он глубже видел и достоинства его. За месяц до смерти он писал: «я за народ стою прежде всего; в его душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем объеме и величине их, — как в святыню верую» (Дневн. писателя, 1881, 1, 5). В душе Тургенева тесно сплетались ненависть к России и любовь к ней. ****)

*) История русской музыки, под ред. Пекелиса, т. I, стр. 340, 346 с.

**) С. Макашин. Салтыков-Щедрин, т. I, изд. 2, 1951. Введение.

***) История русской музыки, под ред. Пекелиса, т. II, стр. 166 сс.

****) О том, как ненависть Тургенева к России повлияла на отношения между Тургеневым и Достоевским см. книгу Юрия Никольского «Тургенев и Достоевский. История одной вражды». Российско-Болгарское книгоиздательство. София 1921.

Лев Толстой, хорошо описавший недостатки русских крестьян, писал по поводу картин Орлова, что он вместе с художником сознает «великую духовную силу народа» и любит «его мужицкую смиренную, терпеливую, просвещенную истинным христианством душу».

Многие основные свойства русского народа, наверное, имеются и у других народов. Напр., весьма вероятно, что испанцы так же, глубоко религиозны, как и русские, а потому, подобно русскому народу, ищут абсолютного добра и смысла жизни. Но в их религиозности, без сомнения, есть какое-то глубокое отличие от русской религиозности уже потому, что она связана с Католичеством, а не с Православием. Углубленное понимание характера народа может быть достигнуто не иначе, как путем сравнения с характером других народов. В этой книге никаких сравнений с другими народами нет, потому что условия для выполнения такой работы еще не осуществлены. Сначала нужно иметь много исследований о характере различных народов, и тогда только может явиться ученый, который будет в состоянии путем сравнения их открыть, чем они отличаются друг от друга.

Для заключительной оценки русского народа вспомним достоинства и недостатки его, описанные в предыдущих главах. Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни, снижающееся при утрате религии на степень стремления к социальной справедливости в земной жизни; в связи с этим свойством стоит способность к высшим формам опыта, именно к религиозному, нравственному и эстетическому опыту, к философскому умозрению и к чуткому восприятию чужой душевной жизни, откуда получается живое индивидуальное общение с людьми. Второе первичное свойство русского народа — могучая сила воли, откуда возникает страстность, максимализм и экстремизм, но иногда обломовщина, леность, пассивность вследствие равнодушия к несовершенному добру земной жизни; отсюда невыработанность средних областей культуры, а вместе с тем и невыработанность характера, недостаток самодисциплины. В связи с исканием абсолютного добра стоит свобода духа русских людей, широкая натура, испытание ценностей мыслью и опытом, откуда возникают дерзкие рискованные предприятия, склонность к анархии, неумение столкнуться для общего дела, нигилизм и даже хулиганство. К числу первичных основных свойств русского народа принадлежит доброта, углубляемая и поддерживаемая исканием абсолютного добра и религиозностью; однако измученный злом и нищетою русский человек может проявить и большую жестокость. В связи с опытом искания абсолютного добра у русского народа развилась высокая и разносторонняя одаренность, теоретический и практический ум, художественное творчество в различных

областях искусства. Чуткость к добру соединена у русского народа с сатирическим направлением ума, со склонностью все критиковать и ничем не удовлетворяться.

Отрицательные свойства русского народа, экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики, могут вести к изумительным, а иногда и опасным расстройством частной и общественной жизни, к преступлениям, бунтам, к нигилизму, к терроризму. Большевицкая революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут дойти русские люди в своем смелом искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого. Поистине Россия есть страна неограниченных возможностей и прав был французский историк Моно (Monod), сказавший, что русский народ — самый обаятельный, но и самый обманчивый.

Надо, однако, принять во внимание, что отрицательные свойства русского народа представляют собою не первичную, основную природу его: они возникают, как обратная сторона положительных качеств или даже, как извращение их. В действительности извращения, конечно, проявляются реже, чем основные нормальные свойства характера. К тому же русские люди, заметив какой-либо свой недостаток и осудив его, начинают энергично бороться с ним и благодаря силе своей воли, успешно преодолевают его. Поэтому можно надеяться, что русский народ после преодоления безбожной и бесчеловечной коммунистической власти, сохранив свою религиозность, будет, с Божьею помощью, в высшей степени полезным сотрудником в семье народов на пути к осуществлению максимального добра, достижимого в земной жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Он сам рассказывал об этом так.

Долгое время мучила его загадка познания мира, определения источника этого познания и сущности свободы человека. Сотни раз, прогуливаясь по улицам Санкт-Петербурга, он останавливался и, словно прозревая, глазами ребенка удивленно вглядывался в окружающий его мир. И только однажды, когда увидел он перед собой покрытые дымкой городские дома, разгадка пришла сама собой почти мгновенно.

Все имманентно всему. Все присуще всему. Все взаимосвязано...

Это неожиданное открытие определило затем жизнь этого поистине удивительного человека, заставило его написать множество философских трудов, привело к мировому признанию и даже к славе.

Идея стала решающей для гносеологии и метафизики известного русского философа Николая Онуфриевича Лосского.

Для советского читателя, не имевшего возможности не только видеть в печати, но и слышать имя этого человека, оно прозвучало вновь в теперь уже далекие 1950-е годы. Тогда на страницах журнала "Вопросы философии", единолично вещавшего народу непререкаемые "философские истины" вослед предшествовавшему изданию - журналу "Под знаменем марксизма", препарировавшему философию в 1920-40-е, было сообщено о выходе в свет в Лондоне на английском языке его знаменитой "Истории русской философии".

Уже не было в живых Н.Бердяева и П.Струве, о.Сергия Булгакова и С.Франка, о.Павла Флоренского и Л.Шестова, уже стали историей философские баталии между различными представителями русского религиозного ренессанса XX века, но еще продолжал жить и творить этот неумный старик, свои главные книги начавший выпускать прожив почти полвека, а последние - у самого рубежа собственного столетия. Когда 25 января 1965 года в возрасте 94-х лет Н.О.Лосский ушел из жизни, то никому и в голову еще не могло придти то, что ушел в буквальном смысле "последний из могикан", последний из плеяды тех, кто создал выдающуюся мыслительную культуру, духовно-философское мирозерцание, переживаемое и осмысливаемое всем светом по сей день.

С кончины Н.О.Лосского можно было исчислять конец периода, или, лучше сказать, первого исторического тома русской философской мысли, развивавшейся тогда в зарубежье. Новый период, точнее, но-

вая книга, которая бы продолжила во втором томе эту традицию - пока еще не существует, она не написана. И кто будет писать ее?..

Н.О.Лосский был настоящим, или, правильнее, "чистым", академическим философом, в отличие, например, от философа-публициста Н.Бердяева или поэта-философа В.Иванова. Его имя до революции было знакомо всем. Еще когда в Санкт-Петербургском университете он учился на физико-математическом и историко-филологическом факультетах, то стал известен после исключения за пропаганду атеизма. Поразительно, но уже после 1917 года, когда в советский период он станет преподавать в том же университете, то будет отстранен от работы за свои... христианские убеждения.

Родился он в Витебской губернии в декабре 1870 года. Университетское образование, после исключения в Санкт-Петербурге, он получил в Берне. После окончания университета не спеша написал и защитил в 1903 году диссертацию "Основные учения психологии с точки зрения волонтаризма", и сразу же был признан подающим большие надежды ученым.

Через три года он выпустил труд "Обоснование интуитивизма", заявив себя одним из основоположников этого направления в философии. Всю жизнь после этого он придавал громадное значение интуиции, как источнику познания мира и тем самым разбивал "гордиев узел", столетия мучивший мыслителей всего мира.

Книга "Обоснование интуитивизма" легла в основу его докторской диссертации, защищенной в 1907 году и позднее, еще до октября 1917 года переведенной на английский язык. Теперь, преподавая в том же Санкт-Петербургском университете и одновременно на высших Бестужевских курсах, Н.О.Лосский обретает своих сторонников и последователей. Его кафедра становится людной и притягательной. Перемены в политической жизни России, происходившие год от года, не мешали ему развивать свою теорию.

В 1920-е годы популярность Н.О.Лосского среди студентов-философов еще более возрастает. И вполне естественно, что когда в 1922 году в правящих верхах "созрела" идея высылки наиболее талантливых и глубоких "противников" марксистско-ленинской идеологии не только в политической, но и в общеполитической сфере, Николай Онуфриевич попадает в их число.

Так, в 1922 году он вынужден был покинуть свою родину. Покинуть навсегда.

Вместе с ним покинули родину и его труды. И по сей день все основные работы Н.О.Лосского публикуются во многих странах мира, но не в России, они переведены на английский, немецкий, французский языки.

Тогда рушилась не только его устоявшаяся жизнь и научные планы, но и формировавшаяся вокруг него школа. Вдали от родины

он если и имел единомышленников, но все же оставался в некотором одиночестве, общаясь с миром через книги. Его слушали, ему внимали, его лекции конспектировали, но, увы, к нему не "прилеплялись", ученики уходили своей дорогой. Одним из редких и самых именитых последователей стал, создавший правда и свою систему - С.Франк, а позднее - С.Левицкий.

В эмиграции в течение двух десятилетий Н.О.Лосский живет в Праге, где преподает философию в Русском университете, переезжает в Братиславу, позднее, в 1945-м году - в Париж, а через год поселяется на долгое время в США у младшего сына Андрея. Здесь он вместе с Г.П.Федотовым преподает в Нью-Йоркской Духовной академии Св. Владимира, а затем, наконец, переезжает в Лос-Анджелес.

Другой его сын - Владимир - для русской религиозной философии и богословия был человеком не менее известным. И по сию пору в выпущенных у нас и еще не "перестроившихся" изданиях его пренебрежительно называют "апологетом мистицизма". Однако не так отнеслась к нему Русская православная церковь. В 1972 году наследию В.Н.Лосского был отдан 8-й том "Богословских трудов", увидевших свет в издательском отделе Московского патриархата.

Владимир был выслан из России одновременно с отцом. Ему было тогда 19 лет. Затем он окончит Сорбонну, станет преподавать богословие в Париже и долгие годы будет действительно руководить известным Содружеством преподобного Сергия Радонежского и почитаемого в англиканской церкви св.Албания.

Незадолго до кончины в 1958 году Владимир Николаевич держал в руках уже изданную новую книгу своего отца - "Характер русского народа". Выпущена она была во Франкфурте-на-Майне в 1957 году.

Среди множества трудов Н.О.Лосского, а только книг, не считая сотен разных статей, у него почти два десятка, - таких, как "Логика" (1924), "Свобода воли" (1925) "одной из лучших книг по этому вопросу" назвал ее Н.Бердяев в своей рецензии в январском номере "Пути" за 1927 год), "Ценность и бытие" (1931), "Типы мировоззрений" (1931), "Диалектический материализм в СССР" (1934), "Бог и мировое зло" (1941), "Достоевский и его христианское миропонимание" (1953) - и уже упомянутой нами "Истории русской философии", среди всех этих работ книга с заинтриговывающим заголовком "Характер русского народа" занимает особое место.

Этой теме посвящали свои работы многие мыслители. Словно бы наступал такой период в их жизни и творчестве, когда она требовала осмысления и, в первую очередь, с высоты немалого жизненного опыта. Также как и Н.А.Бердяев, ставший писать свою "Русскую идею" в последние годы жизни, Н.О.Лосский начал работу над книгой о "русском", когда ему было уже за 80, когда он находился в

Америке, на другом конце земного шара - в самой далекой точке от родины. Свою задачу он определил сам, исходя из собственной персоналистической концепции:

"В своих заметках я буду иметь в виду душу отдельных русских людей, а не душу русской нации, как целого, или душу России, как государства. Согласно метафизике иерархического персонализма, которой я придерживаюсь, каждое общественное целое, нация, государство и т.п., есть личность высшего порядка: в основе его есть душа, организующая общественное целое так, что люди, входящие в него, служат целому, как органы его. Философ и историк Л.П.Карсавин называет такое существо симфоническою личностью... Конечно, некоторые свойства лиц, входящих в общественное целое, принадлежат также и самому этому целому. Поэтому иногда я буду говорить не только о характере русских, но и о характере России, как государства".

Н.О.Лосского интересует и религиозность русского народа и его способность к высшим формам опыта, он рассматривает такие трудно уловимые категории, присущие человеку и нации, как чувство и воля, свободолюбие, народничество, доброта, даровитость, мессианизм и миссионизм, нигилизм, раскольниковство и многие другие.

С гневом и болью автор отзывается о работах тех западных историков и философов, которые не только не видели в России и русских людях ничего интересного и особо выдающегося, но и с неприязнью говорили о них. Последовательно и точно, с присущей философу скрупулезностью прорабатывает он труды своих предшественников и современников, пытается вычленить зерно своих основных выводов. А потому сегодня они звучат более чем актуально.

Какие они - авторские выводы? Каков же он - характер русского народа?

Книга Н.О.Лосского - это и вопрос и ответ одновременно. Размышляя, автор не убеждает и не утверждает. Ибо нет ничего более ошибочного по его мнению, как догматические аксиомы. Интуиция - его путеводный маяк. Он философски осмыслял и прогнозировал процессы, которые происходили в обществе его времени и могли происходить в ближайшем будущем. Размышляя о роли сословий в жизни государства, он дал весьма поучительную оценку роли интеллигенции, которая в наши дни заслуживает особого внимания:

"Борьба против мещанства, т.е. против буржуазного умонастроения и строя жизни, ведется русскою интеллигенциею во имя достоинства индивидуальной личности, во имя свободы ее, против подавления ее государством или обществом, против всякого низведения ее на степень лишь средства... Получение высшего образования в университетах и технологических институтах не было в России привилегиею богатых людей. Русский бытовой демократизм содействовал оби-

лию стипендий и помощи студентам со стороны обществ при университетах. Поэтому русская интеллигенция была внесословною и внеклассовою. Не будь войны 1914 года и большевистской революции, Россия, благодаря сочетанию бытовой демократии с политическою, выработала бы режим правового государства с большею свободою, чем в Западной Европе".

Последние утверждения Н.О.Лосского кажутся чересчур смелыми и решительными, но в них выразилась его вера в потенциальную возможность выхода из всех кризисов, потрясающих страну, вера, высказанная им в заключительных строках труда, написанного более тридцати лет назад, но адресованного прямо в день сегодняшних:

"Большевистская революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут дойти русские люди в своем смелом искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого. Поистине Россия есть страна неограниченных возможностей... К тому же русские люди, заметив какой-либо свой недостаток и осудив его, начинают энергично бороться с ним и благодаря силе своей воли, успешно преодолевают его"...

Николай Онуфриевич Лосский создал не только собственную законченную философскую систему, но и, осмелимся сказать - свой стиль изложения мыслей. К его работам даже применяли "шопенгауэровское" определение - "блестящая сухость". Суть же его системы сводилась по его словам к "органическому идеал-реализму", который Н.Бердяев называл "своеобразной формой интуитивизма" или "критическим восстановлением наивного реализма".

Н.О.Лосский не был "литературным" мыслителем, хотя его творения - прекрасный образец философского языка. Но он все же написал вполне "литературную" книгу - "Характер русского народа" - читаемую легко от начала до конца с большим интересом.

Конечно же, из одной этой книги невозможно выявить его основные философские и историко-культурные взгляды. Но, думается, она как нельзя лучше представляет нам одного из замечательных мыслителей ныне столь заметного и возрождающегося у нас в стране направления в духовной культуре.

Предоставляем возможность читателю самому убедиться в этом, внимательно перелистав все страницы этого скромного по объему труда.

Константин КОВАЛЕВ

Оглавление

Глава шестая	
Доброта русского народа	
	3

Глава седьмая	
Даровитость русского народа	
	20

Глава восьмая	
Русский мессианизм и миссионизм	
	41

Глава девятая	
Недостаток средней области культуры	
	52

Глава десятая	
Старообрядчество	
	56

Глава одиннадцатая	
Нигилизм. Хулиганство	
	61

Послесловие	
	87

Автор Н.О.Лосский
“Характер русского народа“

Автор послесловия К.Ковалев

Технический редактор З.Кондрашова

Лосский Н.О.

Характер русского народа. - М.: Ключ, 1990.
96 с. /репринтное издание 1957 г./.

В блестящем ряду таких известных имен философов, как Н.Бердяев, П.Струве, о.Сергий Булгаков, С.Франк, о.Павел Флоренский, Л.Шестов появляется пока еще мало знакомое нашему читателю имя Николая Онуфриевича Лосского /1870-1965гг./, автора трудов: "Обоснование интуитивизма", "Логика", "Свобода воли", "Ценность и бытие", "Типы мировоззрений", "Бог и мировое зло", "Достоевский и его христианское миропонимание", "История русской философии". Он - последний из плеяды тех, кто создал выдающуюся мыслительную культуру, духовно-философское миросозерцание.

"Характер русского народа" - занимает в его творчестве особое место. Н.О.Лосского интересует и религиозность русского народа и его способность к высшим формам опыта. Он рассматривает такие категории, присущие человеку и нации, как чувство и воля, свободолюбие, народничество, доброта, даровитость, нигилизм, раскольниковство и многие другие.

Каков же он - характер русского народа? Книга Н.О.Лосского - это и вопрос и ответ одновременно. Она рассчитана на широкий круг читателей.

Уважаемые читатели!

Вы приобрели первую книгу, выпущенную новым московским издательством "Ключ", которое ставит своей целью издание наследия русских философов, исторической прозы, посвященной прошлому нашего Отечества, а также миниатюрных книг, представляющих творчество поэтов, прозаиков дореволюционного периода и современности.

Часть средств, вырученных от продажи книги известного русского философа Лосского Н.О. "Характер русского народа", будет перечислена в фонд беженцев: счет N 700507 в МГУ Госбанка СССР, участок 80.

Мы уверены, что нас поддержат сопереживающие читатели, озабоченные драматическими судьбами этих людей. Многие из них лишились крова, потеряли близких и остро нуждаются в нашей с вами помощи.

Репринтное воспроизведение издания 1957 года

Николай О. Лосский

ХАРАКТЕР РУССКОГО НАРОДА

Книга вторая

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага кн.-жур. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,8.
Тираж 50 000. Заказ 303. Изд. № 3. Цена 4 руб. 50 коп. Издательство
«Ключ». 125047, Москва, ул. Горького, 50. Московская тип. № 5
Госкомпечати СССР. 129243, Москва, Мало-Московская, 21.

